КРОКОДИЛ

— Вот ты чем, оказывается, занимаешься! А мне сказал, что идешь доставать дефицитные материалы!

Рисунок Б. САВКОВА

ТАИНСТВЕННАЯ ПРОПАЖА

— Сегодня утром поступило около сотни писем от читателей газеты «Горьковский рабочий»,— доложил регистратор почты Стола находок.

— Вот как! — удивился главный администратор Стола, он же — столоначальник.— И что они нашли?

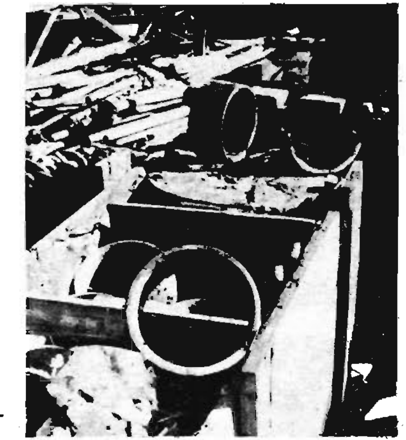
— Читатели нашли в газете объявление об одной любопытной потере.

> **27 марта 1970 года**
>
> в районе п. Игумново (на дороге)
>
> с автомашины при подъеме в гору
>
> УПАЛ МЕТАЛЛ (лист) размером 10×1920×2—5000 в количестве 7500 кг, доставляемый на Дзержинскую канатную фабрику.
>
> **28 марта на месте металла не оказалось.**
>
> **Очевидцев, знающих место нахождения металла, ПРОСИМ СООБЩИТЬ по телефону 46-44-76 Горьковскому грузовому автотранспортному предприятию № 3.**

— Понятно,— сказал столоначальник.— Ну что ж, поищем...

ЯЩИК С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

— Полагаю, что пропавший груз похоронен здесь,— объявил я как дежурный. И выложил на стол вот этот снимок.

— С чего вы взяли?

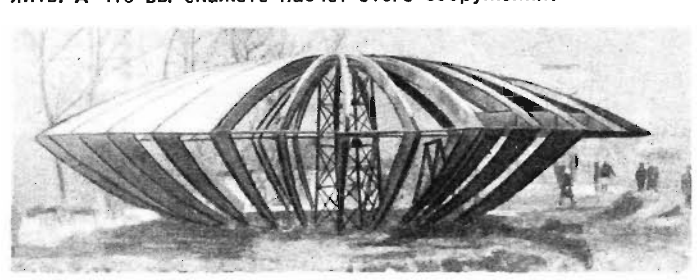
— Пришел к этой мысли путем логических умозаключений,— объяснил я.— Вы обратили внимание на то, при каких обстоятельствах был утерян груз? В объявлении ясно сказано: «при подъеме в гору». Очевидно, подъем очень крутой, и случаи, когда с машины что-нибудь падает, не единичны. Таково происхождение этой груды. Металлический лист завален тем, что упало с машин, проходивших позднее. Может быть, он под этим ящиком. Ишь, как искорежило его при падении!

— Погодите! — вмешался регистратор.— Это же снимок читателей Б. Жикова и Р. Ситника! И сделан он не около поселка Игумново, а в третьем районе Одесского порта. История такова. В 1966 году в порт прибыл огромный ящик. Четыре года он валялся на причале в ожидании хозяина, как пишут Б. Жиков и Р. Ситник. Когда ящик уж очень намозолил всем глаза, его вскрыли. «Подумаешь, какие драгоценности! — воскликнул какой-то портовый чин, увидев новенькие детали судовых дизелей.— Раз нет хозяина, вывезти на свалку». И вывезли. Все до единой. На сумму почти в десять тысяч рублей.

— М-да, не подходит,— вздохнул столоначальник.— Будем искать дальше...

ВСТРЕЧА С «ЛЕТАЮЩЕЙ ТАРЕЛКОЙ»

— Кажется, нашел! — воскликнул я еще через пять минут.— Если металлического листа на месте не оказалось, стало быть, кто-то им воспользовался. Но кто? Пионеры — сборщики металлолома исключаются. Семь с половиной тонн им не осилить. А что вы скажете насчет этого сооружения?

— Гм...— почесал в затылке столоначальник.— Похоже на строящуюся «летающую тарелку», а?

— Это всего-навсего павильон для укрытия пассажиров от непогоды на автобусной остановке. Разумеется, павильоны нужны, но не таких же космических масштабов. На эту «посудину» израсходовано сорок тонн металла. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь позволил такое расточительство. Ясно, строителям пришлось искать металл там, где он плохо лежит. А хуже всего он лежит, как мы уже знаем, при подъеме в гору. Итак...

— Адрес не тот! — опять перебил меня регистратор.— Письмо-то из Липецка. И прислал его сотрудник заводской многотиражки «За чугун» А. Ловягин. Но он подтверждает ваш вывод, что созидатели «тарелки» — руководители липецкого завода «Свободный Сокол» — люди действительно расчетливые и бережливые. На постройку они использовали металл, который плохо лежал. Правда, почему-то им оказался тот самый металл, который был сэкономлен на их же заводе.

— Ничего себе логика! — развел руками столоначальник.— Сэкономили для того, чтобы разбазарить! Больше никаких предположений насчет игумновского груза нет? В таком случае объявляем всесоюзный розыск. Пусть ротозеям помогут найти потерю читатели «Крокодила».

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

ОСОБЕННО ПРИ ПОДЪЕМЕ В ГОРУ, ВНИМАТЕЛЬНО СМОТРИТЕ ПОД НОГИ И, ЕСЛИ ОБНАРУЖИТЕ ТАИНСТВЕННУЮ ПРОПАЖУ ВЕСОМ В СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ ТОНН, НЕМЕДЛЕННО СООБЩАЙТЕ НАМ. ВПРОЧЕМ, И О ДРУГИХ НАХОДКАХ — ТОЖЕ.

Дежурный по столу находок Н. МОНАХОВ

Брак производства.

Рисунок А. ГРУНИНА

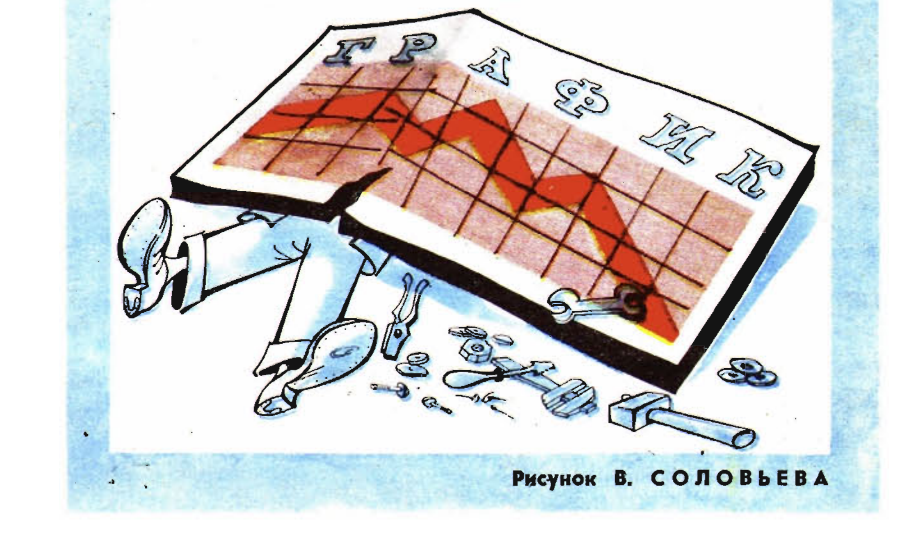

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Е. СЕНИН

СПЕШИТЕ МЕДЛЕННО

Прежде всего хочется предупредить уважаемого читателя: не торопитесь с выводами! Или, как советовали древние римляне, спешите медленно!

А теперь разрешите задать вопрос. Что бы вы, к примеру, сказали, если бы узнали, что на некоем заводе из выпущенных 312 машин — 135 возвращены для решительной переделки по причине их непригодности к действию? Впрочем, и все остальные машины тоже надо реконструировать.

Так что бы вы сказали, узнав об этом? Мол, бракоделы?

Так я и знал. А ведь предупреждал: не спешите с выводами!

Нельзя, товарищи, подобные вещи решать с кондачка. Тут необходимо ориентироваться в теории брака. Она говорит о том, что брак бывает технологический, а бывает конструктивный.

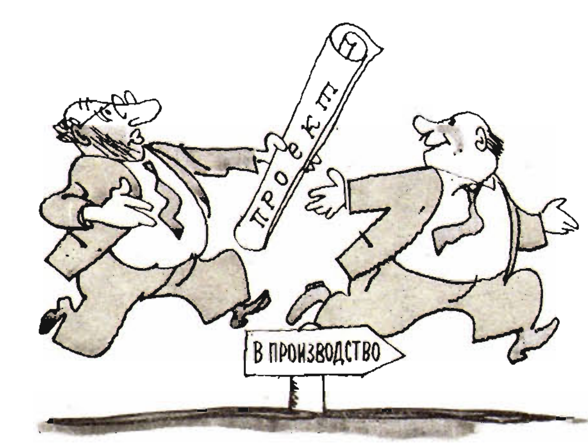
Технологический — это когда вопреки чертежам задний мост автомашины ставят вместо переднего или же когда к табуретке вопреки замыслу конструктора забывают приколотить четвертую ножку.

Короче говоря, при браке технологическом все предельно ясно: вот он — брак, а вот он — конкретный бракодел.

При конструктивном варианте все значительно сложнее: брак — вот он, а бракодела-то и нет. Поскольку все сделано строго по чертежам. А чертежи выполнены в строгом соответствии с замыслом изобретателя. А замысел был одобрен и завизирован соответствующими специалистами. Все на месте. Только вот одно вызывает досаду: машина не работает...

Именно так случилось на черновицком заводе «Легмаш», руководимом А. Д. Коровянко.

Тут решено было одарить трикотажные фабрики страны новой машиной для вязки трикотажа — КТ-2. После того, как все замыслы и чертежи были утверждены, изготовили экспериментальный образец и установили его на местной трикотажной фабрике. К величайшей радости всех присутствующих, машина заработала. Радость, распространяющаяся, как известно, со скоростью слухов, быстро долетела до главка. И оттуда, из «Главлегмаша» Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР, была дана энергичная команда:

— Запускайте в серию!

Как всегда в подобных случаях, не обошлось без скептиков:

— Надо бы вначале изготовить опытную партию, как положено по инструкции. В таком деле лучше спешить медленно.

— Чего, чего?! — прикрикнули из главка.— Какую там еще опытную?! Экспериментальный образец был? Был! Трикотаж он вязал? Вязал! Так что вы там эти древнеримские штучки бросьте! В серию!

Вскоре на глазах у посрамленных скептиков и поощренных оптимистов первые КТ-2 стали разъезжаться во все концы страны. А за ними — вторые, третьи...

А месяца через три, когда собирались разъезжаться десятые, то первые КТ-2 уже стали съезжаться со всех концов страны обратно на завод. А за ними — вторые, третьи...

У машины обнаружился строптивый норов: она соглашалась вязать трикотаж ровно три месяца. И ни дня больше. Специалисты расшифровали причину строптивости: конструктивное решение одного из важнейших узлов принципиально непригодно. Узел следует полностью модернизировать.

И вот итог: если бы не пожалели времени на испытание опытной партии, то пригодная машина попала бы на фабрики раньше, чем попадет теперь. Зато себестоимость машины нынче увеличилась на 1 100 рублей.

Что сейчас скажете, дорогой читатей? Зря, мол, поторопились? Верно.

Но не будем строги к другим. Вспомним, что вначале и мы с вами тоже поторопились. С выводами. Тоже не вняли совету древних римлян насчет того, как следует спешить.

г. Черновцы.

— Теперь не скажут, что мы даром небо коптим...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

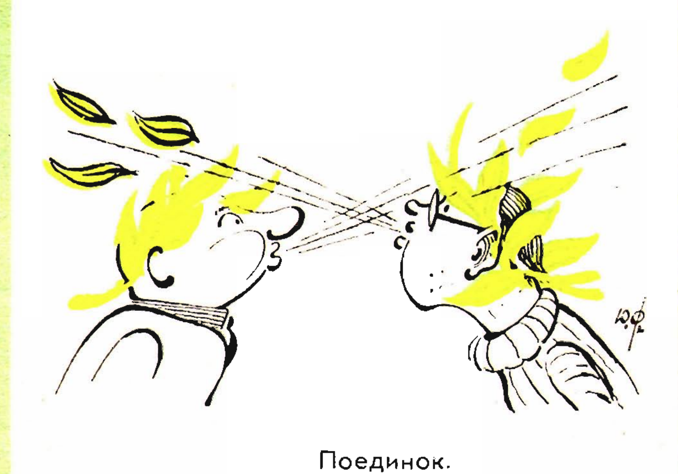
Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Обкорнал...

«На живца».

Поединок.

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Конечно, с одной стороны, правильно говорят, что все люди — братья. Но, с другой стороны, приходится сомневаться. И поглядывать, чтобы этот дорогой братец не подложил свинью в карман. По недомыслию. Или вообще неизвестно по какой причине. Может, из озорства. А ты потом расхлебывай.

За примером далеко ходить не надо. Держу я сейчас в руке книжку. Ледериновый переплет, золотое тиснение, а на обложке значится: «Александр Акимович Воробьев».

На первый взгляд, прекрасная книжка. В ней отражена жизнь и деятельность этого известного ученого, доктора физико-математических наук, ректора Томского политехнического института. И издана она в подходящий момент: к его шестидесятилетию. Заметьте, Томским же политехническим институтом.

А коли поглядеть в середку, не так уж она и прекрасна. Наоборот: если бы, скажем, кто задумал поставить уважаемого профессора в неловкое положение, подложить ему по-дружески свинью, то лучшего, чем этот сборник, и придумать нельзя.

Я вам сейчас расскажу, что это за сборник.

В начале, конечно, как полагается, портрет ректора. Потом раздел: «Основные даты жизни и деятельности А. А. Воробьева».

Знаменательные вехи были в его жизни. Вручение правительственных наград, присвоение звания заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. Только кажется, что в этом разделе уж очень много основных дат перечислено. Больше шестидесяти. То, что он трижды избирался в депутаты Верховного Совета РСФСР,— это действительно даты. А в названном разделе все как-то свалено в одну кучу: и грамота за активное участие в строительстве стадиона, и грамота за активное участие в газете «Красное знамя», и грамота за большую работу по развитию физической культуры и спорта среди студентов. Создается впечатление, что составители сборника, которые, кстати сказать, нигде не указаны, решили поставить как можно больше вех. И эта их идея пронизывает все юбилейное издание насквозь.

Вот «Библиография трудов» профессора Воробьева. Вместе с рефератами их насчитывается более 800. Огромное количество! Далеко не у каждого ученого есть столько. Но, оказывается, здесь перечисляются не только научные работы. Поименованы также статьи, выступления, которые даже не принято называть трудами. Вот выступление А. Воробьева на отчетно-выборном собрании (правда, не сказано, на каком), а вот — на городской партконференции. Здесь же речь на сессии горсовета, выступление на пленуме обкома, речь перед избирателями, выступление на отчетно-выборной комсомольской конференции. А вот тезисы доклада на конференции. И дальше — тезисы. И еще дальше — тезисы. И еще дальше — тоже тезисы. А вот прения. А вот выступление перед абитуриентами.

Иногда Александр Акимович выступал в областной газете со статьями: «Где быть мосту?», «Томску — хорошее водоснабжение», «Овраги наступают на город». Все это тоже занесено в раздел «Библиография трудов». И соответственно именуется трудами.

Мне не завидно. Пускай бы даже эти статьи отнесли к числу научных открытий. Мне все равно. А вот юбиляру, небось, не все равно. Тем более, что в сборнике есть и другие разделы с таким же, понимаете ли, непонятным привкусом.

Например, «Краткий очерк о научной, научно-организационной и педагогической деятельности А. А. Воробьева».

Без волнения его читать нельзя. «Неутомимый, быстро растущий ученый... отдавая много сил и энергии... крупный организатор... является большим государственным деятелем».

Смотришь на эти эпитеты и думаешь: большую волю надо иметь, чтобы самому о себе прочитать такие строчки и не зарыдать от умиления.

А дальше — раздел еще более важный: «Литература о жизни и трудах А. А. Воробьева». В основном приведены статьи о профессоре из многотиражной газеты института, из областной газеты. И обязательно указано, какая статья дана с портретом, а какая без.

Ну и, конечно, сборник этот произвел бо-о-ольшое впечатление! Не только на юбиляра. В Москве и то заинтересовались: кто же это так хорошо все написал? До чего складно! Глянули в сборник, а там ничего нет. Ни составителя, ни редактора, ни автора очерка — как есть ничего! Единственно, что указано,— тираж 1 000 экземпляров.

Ясное дело — легкий переполох.

И вот заседание парткома. И сам секретарь парткома товарищ Нехорошев сообщает о допущенных ошибках. Ну, слава науке, на этом заседании кое-что прояснилось. Оказывается, этот сюрприз подготовили члены библиографической секции и работники научно-технической библиотеки. Причем, как сказано в документе, «готовили из самых искренних побуждений и вовсе не ожидали, что этим подведут ректора».

А сам Александр Акимович Воробьев повел себя на этом заседании партийного комитета в высшей степени благородно. Другой бы на его месте обиделся за то, что его, как говорится, подвели под монастырь. А он нет. Он встал и сказал, обращаясь к людям, которых только что поругали за составление такого сборника:

— Я хочу сделать заявление и прошу записать его в протокол. Я не имел возможности лично поблагодарить заведующую научно-технической библиотекой Каргапольцеву и главного библиографа Бородину за юбилейный подарок. Пользуюсь случаем поблагодарить вас, передать благодарность Бородиной и принести извинения за причиненные вам беспокойства.

Теперь вам все ясно? Ну вот и хорошо.

НАРВИК (Норвегия). Недавно состоялись маневры **НАТО** под кодовым названием «Арктик Экспресс», в которых приняли участие и итальянцы. В связи с этим в норвежской прессе появилась такая «военная сводка»: «Битву за Нарвик выиграли итальянцы. После упорных схваток итальянские берсальеры заняли все кафетерии и удерживали их до последней чашки кофе». Силен воинский дух в **НАТО**!

ВАШИНГТОН. В связи с бесконечными выступлениями вице-президента Агню и других американских политиков против «уличных беспорядков», «коммунистических происков» и т. д. американскую печать недавно обошла такая цитата из речи одного деятеля:

«Улицы в нашей стране шумливы, университеты заливают волны мятежей и бунтов. Коммунисты стремятся уничтожить нашу страну. Россия угрожает нам своей мощью. Государство в опасности... Мы требуем законности и порядка. Да, без закона и порядка наш народ не может существовать».

Кто же автор этих слов? Вице-президент Спиро Агню? Может быть, Уоллес, Голдуотер? Да, все это похоже на выступления упомянутых деятелей, но это дословная цитата из речи... Адольфа Гитлера в 1932 году.

МАДРИД. Некая богатая испанская дама решила контрабандой переправить в Швейцарию ценнейшую картину Франсиско Гойи. Чтобы избежать оплаты высокой таможенной пошлины, предприимчивая контрабандистка распорядилась загрунтовать картину легко смываемыми красками и нарисовать на ней аляповатый букет цветов. Все прошло благополучно: испанские таможенники сочли «Цветы» ничего не стоящим произведением. В одной из картинных галерей Женевы смыли верхний слой краски и под ним обнаружили шедевр кисти Гойи. Но радость длилась недолго. Когда решили промыть «шедевр», под ним оказался... портрет генерала Франко! В общем, вор у вора картину украл...

«День открытых дверей» в США.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

С. ШАТРОВ

Я, ДЖОЗЕФ АЛИОТО И СТАРЫЙ ТОНИ

Недавно я заглянул к мэру города Сан-Франциско Джозефу Алиото. Он принял меня в респектабельном кабинете в тот предвечерний час, когда чашечка кофе и рюмочка ароматного коньяка служат интродукцией к доверительной мужской беседе.

— Жозя,— сказал я Алиото,— мне понадобился твой дружеский совет.

— Что-нибудь сугубо интимное? — подмигнул мне мэр.

— Нет, хочу поделиться с тобой одной задумкой. Я решил пойти по твоим стопам и стать мэром.

— Только и всего? — В его голосе явно послышалась ироническая интонация.— И давно тебя осенило?

— Не смейся. Поверь, это не мимолетная прихоть, чудачество или экстравагантность... Мне кажется, что я мог бы стать неплохим мэром американского города средней величины.

— Это так неожиданно,— пробормотал Алиото, разглядывая на свет тонконогий бокал.

— В моей голове табунами бродят разные позитивные идеи и конструктивные планы. По ночам я вижу розовые муниципальные сны. Уверяю тебя, в моем лице избиратели получили бы динамичного мэра, на знамени которого будет написано: закон, порядок, справедливость...

— Сэм, прибереги словесный фейерверк для предвыборных речей,— мягко оборвал меня Алиото.— Какого ты ждешь от меня совета?

— Я хочу знать, с чего начинать.

— Чудак! Разумеется, с денег,— ответил Алиото.

— С деньгами у меня не густо,— признался я.

— Это несколько осложняет положение,— покачал головой мэр.— Впрочем, не следует отчаиваться. Деньги можно раздобыть на стороне. Важно найти человека, который согласился бы подбросить тебе 200—300 тысяч долларов на избирательную кампанию.

— Должен огорчить тебя, Жозя, в последнее время между мной и домом Рокфеллера пробежала черная кошка. С Дюпонами у меня натянутые отношения, что же касается Ханта, то я просто с ним не здороваюсь...

Алиото улыбнулся, юмор ему не противопоказан.

— Сэм, я тоже начинал с нуля,— сказал он.— На первых порах мне помогла «Холли Мит Пэкинг Компани»...

— Чем ты им приглянулся?

— Я был у них юрисконсультом. Честно работал. Они полюбили меня. Поверили в меня. Главное — поверить в человека... Почему бы тебе не стать юрисконсультом, Сэм?

— У кого? — спросил я.

Алиото на мгновение задумался.

— По-моему, старый Тони вернулся к делам. Попытай у него счастья. Он весьма достойный и влиятельный человек.

Я не буду описывать, как мне удалось попасть на виллу к Томасу Ликкаволи[1]. Я застал его в окружении родных — братьев Пита, Доменико и кузена Джимми. Старый Тони сидел в кресле-качалке, ноги его были укутаны шотландским пледом, он потягивал из хрустального стакана стерилизованное молоко.

— Итак, чего ты хочешь, сынок? — спросил меня седовласый Тони.

— Я хочу стать мэром. В моей голове табунами бродят позитивные идеи и конструктивные планы...

Я был в ударе, говорил увлеченно, седовласый джентльмен потягивал

[1] Томас Ликкаволи по кличке «Тони» — босс одной из крупнейших гангстерских шаек Америки. Был приговорен к пожизненному заключению, но выпущен на свободу губернатором штата Огайо Роджерсом. По утверждению журнала «Лайф», губернатор был почему-то лично заинтересован в освобождении Тони. Упоминаемый ниже брат Тони — Пит — один из гангстерских боссов Детройта, Доменико — представитель детройтского филиала «Коза ностра» и, наконец, кузен Джимми — один из ведущих гангстеров штата Огайо **(Примечание редакции).**

К ТРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ИЗРАИЛЬСКОЙ АГРЕССИИ

Несмотря на щедрые подачки от американских империалистов и зарубежных сионистских организаций, агрессивные авантюры тель-авивских правителей довели экономику Израиля до кризисного состояния.

Налогоплательщик: — «Шестидневная война» явно затягивается...

Рисунок А. КРЫЛОВА

молоко и одобрительно качал головой.

— Кто же тебе посоветовал обратиться ко мне, парень? — с грубоватой ласковостью осведомился старый Тони.

— Мистер Джозеф Алиото. В свое время он начинал с нуля, но ему помогла «Холли Мит Пэкинг Компани», что в Окленде.

Ликкаволи рассмеялся.

— «Холли Мит Пэкинг!» Как же, помню! Фирма Джорджетти[1]. Я хорошо знал этого парня. Фирма была ему для фасада. Джорджетти — человек нашего круга. С ним всегда можно было сговориться, не то что с этим сукиным сыном Джеком Кеннеди[2]. Джорджетти и вывел Алиото в люди!

— Вашему Алиото еще помог Джимми Фратианно, — подсказал Пит.

— Это тот самый Джимми, что укокошил по заказам шестнадцать человек? — вспомнил Доменико.

— Он самый, — подтвердил Пит.

Мне стало не по себе. Подобного рода воспоминания как-то действуют на мою вегетативную нервную систему. Захотелось поскорей выбраться из фешенебельной виллы.

Между тем старый Тони задумчиво сказал:

— Ты можешь запросто сойти за мэра. Вид у тебя приличный. Язык подвешен неплохо, и ты складно говоришь про добро. Люди, сынок, любят, когда им делают добро, разве не так, Пит?

— Точно, — сказал Пит. — Наш Тони сделал много добрых дел. Когда он сидел, он подарил своей же тюрьме телевизор и бильярдный стол.

На лице Тони Ликкаволи появилось рождественское сияние.

— А плитки? — вспомнил Доменико. — Он за свой счет выложил плитками пол тюремной столовой и купил венецианские шторы.

— Вы забыли про песочницы, — сказал кузен Джимми.

— Какие песочницы? — удивился я.

— Для детишек, — пояснил Тони. — Чтобы женщины могли сажать их в песочек, когда приходят на свидание к мужьям.

Мистер Ликкаволи допил молоко и сказал:

— Так-то, сынок. Если станешь честно работать на нас, подыщем тебе местечко. Пит, как там у тебя обстоят дела с мэрами?

Пит полистал блокнот и не без сожаления сообщил:

— На сегодняшний день свободных мест нет. Все заняты нашими ребятами.

— И они честно работают?

— Стараются, — ответил Пит.

— Тогда, сынок, придется подождать, — сказал старый Тони. — А пока поработаешь с Питом. Надо убрать пару сукиных сынов в Лас-Вегасе. Набьешь руку, и мы, как водится, сделаем тебя мэром. Случалось ли тебе стрелять из пулемета, сидя в автомобиле?

Я сказал, что не случалось. Меня вывели из виллы. Я, не теряя времени, убрался из города. И затем в том же темпе из страны. Опомнился я только над Атлантическим океаном в лайнере «Пан-Американ». Я приношу свои искренние извинения мэру города Сан-Франциско Джозефу Алиото за то, что не оправдал доверия его сподвижников и друзей.

[1] Джорджетти — гангстер-миллионер, умер в 1960 году.

[2] Джек Кеннеди по кличке «Револьверщик» — главарь банды, конкурировавшей с парнями Ликкаволи. «Револьверщик» и два его ближайших помощника были убиты Томасом Ликкаволи в перестрелке в городе Толидо.

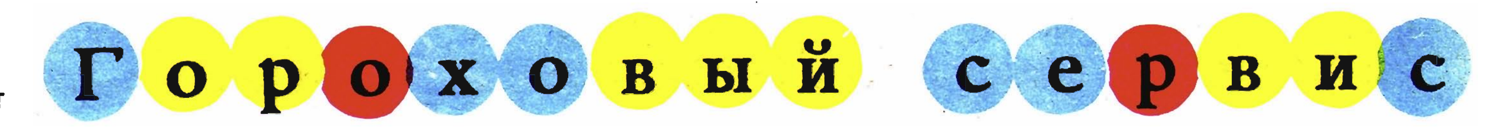
Мих. ВЛАДИМОВ

Расистские законы ЮАР запрещают браки между белыми и черными. Тюремным заключением карается даже... поцелуй.

Пришли на свиданье
Луиза и Том.
Они говорили
О сем и о том,
У бара он девушку
Под руку взял,
И молча они
Миновали вокзал.
А в парке
Он, робость осилив свою,
Впервые признался
подруге:
— Люблю!
А там, где река,
Омывает причал,
Их первый
В тиши поцелуй прозвучал...
Но тут фонари
Вдруг прорезали тьму.
— Том! Ты арестован! —
Сказали ему.
Наручники.
Камера.
Здание суда.
Забудь о свободе,
Попавший сюда!
— Ты в парке,
У бара,
И возле реки
Законам ЮАР
Поступил вопреки!
Три года тюрьмы
Насчитал прокурор.
«Три года тюрьмы!» —
Подтвердил приговор.
Здесь вправе воскликнуть
Читатель любой:
Неужто возможно
Судить за любовь!!
В любви не виновны
Луиза и Том.
А весь криминал
Заключается в том,
Что кожа различна
По цвету была:
У Тома — черна,
У Луизы — бела.
В ЮАР устраняют
Подобный «пробел»:
Пусть белая любит
Того лишь, кто бел!
А если он черен,
Ты можешь к нему
Ходить на свиданье,
Но только... в тюрьму!

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент Крокодила

Случилось так, что в первый же день моего пребывания в щиром украинском городке Вознесенске руководителей местного общепита охватило волнение. С самого утра в конторе комбината общественного питания без умолку звонил телефон. Повара столовых и кафе сигнализировали: появился подозрительный посетитель. Приметы: без особых примет. Поведение: ненормальное. Требует украинского борща.

— Чего, чего требует? — встревоженно переспрашивало руководство.

— Борща!

— Какого еще борща?

— Украинского...

Такая наглость повергла руководителей комбината в изумление, переросшее в панику. Местный житель в апреле борща не потребует. Это ему не июль, когда необходимый для борща кочан капусты можно сорвать на любом огороде. Начались догадки. Кто? Откуда? Маскирующийся под клиента инспектор николаевского треста? Ревизор-инкогнито из Киева? А может, из самой Москвы?

Он был из Москвы. Это я вам точно говорю. Потому что он — это я, автор данного фельетона, и прибыл в Вознесенск с жалобой нашего читателя на местный общепит: дескать, у вознесенских поваров постоянно вскрываются то недостачи, то излишки, а в соревновании наличествуют элементы формализма.

Но украинского борща я потребовал без всякой задней мысли. Мне захотелось его еще в поезде. Как и всякому, кто попадает на украинскую землю. Поэтому, едва переступив порог первой попавшейся столовой, я попросил борща.

В раздаточном окошке показалось лицо поварихи.

— Вы, часом, не с луны свалились? — удивилась она.— Де ж вона, свижа капуста?

— А вот в вагон-ресторане был борщ,— начал я оправдываться.

— Хм... може, воны с собой погреб возять?! А у нас погреба нема...

Мне захотелось борща еще больше. Обошел несколько столовых и кафе. И всюду, стоило только произнести слово «борщ», на меня смотрели, как на нарушителя общественного порядка.

Пришлось есть, что дают. А давали: суп гороховый, рассольник, снова суп гороховый и снова рассольник. Рассольник был, мягко выражаясь, без надлежащих вкусовых качеств. Суп гороховый почему-то припахивал рыбой, хотя ухи в меню не числилось...

Зато в каждой столовой на видном месте стоял столик под красной скатертью. А над ним художественная надпись:

«Коллектив столовой участвует в конкурсе на приз «Наш сервис для трудящихся».

На столике — тетрадь, в которую каждый посетитель может внести свои раздумья по поводу конкурса.

В одной столовой я не выдержал и заглянул в тетрадь.

«Очень вкусно и ассортиментно».

«Не обвешивают, не обмеривают, не обсчитывают».

«Здесь вам подадут даже чай! Настоящий, крепкий и горячий!»

Читал я эти восторженные строки, и мою душу начали терзать сомнения. Я чувствовал, что чего-то недопонимаю, чего-то не улавливаю. Ну скажите, с какой стати проливать благодарственную слезу по поводу того, что вас не обмерили, не обвесили и не обсчитали? И откуда это ликование при виде стакана горячего чая? Разве вкусное приготовление пищи, честность и хорошее обслуживание не являются обязательными для работников общепита?

Я закрыл тетрадку и стал изучать плакат: «Условия конкурса на приз «Наш сервис для трудящихся», организованного Николаевским облсовпрофом, областным трестом общепита и другими торгующими организациями. Оказывается, победителями этого конкурса станут те, кто обеспечит надлежащие культуру обслуживания, санитарное состояние, качество выпускаемой продукции, а также наличие овощных, молочных и рыбных блюд.

Вот оно что!

Поскольку участие в конкурсе — дело сугубо добровольное, следовательно, и культура обслуживания, и санитарное состояние, и качество приготовленных блюд — все это вроде бы как-то уже выходит за рамки прямых служебных обязанностей.

Все ясно. Оставалось у меня только одно сомнение: а есть ли разница между такими понятиями, как «обязанность» и «обязательство»?

На этот вопрос исчерпывающе ответил еще один плакат, висевший рядом: «Социалистические обязательства Вознесенского комбината общественного питания». Там были, собственно, те же пункты, кроме девятого, который гласил:

«Вести постоянную борьбу за обеспечение сохранности социалистической собственности».

Отсюда явствовало: захочет повар бороться за сохранность — будет класть продукты в котел. Махнет на соревнование рукой — унесет эти продукты домой. Какой с него спрос, раз это — его добровольное обязательство!

Тут я окончательно усвоил, что мне надо благодарить всех и за суп гороховый и за то, что меня не обсчитали, а выражать разные претензии и требовать редкостных блюд вроде борща — бестактно.

В тот же день я нанес визит руководителям Вознесенского комбината общественного питания. Убедившись в том, что я не ревизор из Николаева и не проверяющий из Киева, директор комбината А. Е. Баранов облегченно вздохнул и поведал о причинах тревоги.

Однажды вот так же в ресторан зашли двое неизвестных: Он и Она.

— Что будете заказывать, любчики-рыбчики? — подлетела к ним официантка.

Посетители ничего не пожелали заказывать.

Со знанием дела отчитав официантку за фамильярность, за то, что руки держит в карманах фартучка, меню подала не женщине, как положено, а мужчине, Он и Она встали и удалились. Больше ничем они в Вознесенске не поинтересовались.

А на следующий день Баранова вызвали в николаевский трест, вручили ему лист чистой бумаги и в порядке самообслуживания велели написать проект приказа о собственном плохом руководстве рестораном. Директор долго кряхтел, размышляя над тем, какого же наказания он заслуживает, и наконец остановился на выговоре. Управляющий трестом Г. И. Дядик чуть было не подмахнул этот приказ, да вовремя вспомнил, что А. Е. Баранов уже имеет строгий выговор, и отпустил его с миром, объяснив в назидание, что это были за посетители.

Да, это были не просто он и она, а руководящий работник украинского главка З. И. Барановский и сотрудница республиканского министерства торговли Л. Н. Жихарева. И зашли они в ресторан не просто так, а в порядке подготовки материала для коллегии министерства. Материала о ходе соревнования.

Ну что ж, каково соревнование, такова и проверка. И мне от души стало жаль руководителей Вознесенского общепита, среди которых я вызвал вполне понятный переполох своими чрезмерными требованиями.

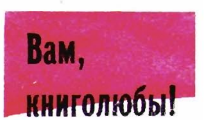
Да бог с ним, с борщом! Не в нем счастье. Был бы конкурс на сервис. И были бы обязательства вывешены на видном месте. Чтоб клиент разбирался, что ему тут обязаны делать, а что делают просто так, по доброте душевной...

Николаевская область

— На первое у нас окрошка, только, к сожалению, без кваса.

Рисунок Г. ИОРША

«СТОИТ ВО РЖИ ДЕВЧОНКА...»

Как тебе известно, читатель, все основные загадки о капусте, грибах и других растениях придуманы еще нашими дедами и бабками. А то и прадедами и прабабками. Ну вспомним хотя бы такую, как «Сорок одежек — все без застежек». Классика!

А как сейчас? Что надобно сделать в наше с тобой, читатель, замечательное время, чтобы выдумать новые загадки?

Оказывается, все обстоит очень просто: берется стоящий человек — парень, девушка, дед, неряха... Берется рубаха (юбчонка) стоящего человека, берется его шапка (колпачок) — и все это добротно перемешивается. И загадки готовы. Что ж до ответов, то они всегда найдутся, были бы загадки!

Скажем, вот так: **«Под березой старичок, на нем бурый колпачок...»** Что это? Подберезовик. Или: **«Под осиной мужичок, на нем красный колпачок»**. А это что? Подосиновик. Можно так: **«...стоит старичок — красный колпачок»**. Так... Подосиновик уже был. Что же еще? Тогда это будет мухомор! Бывают же похожие старички!

Дело можно поставить на широкую ногу. Загадки посыплются, как из рога изобилия: **«Стоит Лукашка — белая рубашка, а шляпка надета шоколадного цвета»** (белый гриб), **«Стоит в лесу неряха — белая рубаха, шапка слюнявая»** (валуй), **«Стоит во ржи девчонка — зеленая юбчонка»** (лебеда), **«Стоит парень бравый, а картуз дырявый»** (шляпочный гриб), **«Стоит мальчонка — замаслена шапчонка»** (масленок), **«Стоит мальчонка — рыжая шапчонка»** (естественно, рыжик),**«Стоит в лесу девчонка — вся черная шапчонка»** (более естественно, что чернушка), **«Стоит в шапке дед...»** (масленок).

А можно и во множественном числе — это даже интереснее. Ведь как завлекательно звучит: **«Стали в ряд сестрицы — стройные девицы; платьица белёные, шапочки зеленые»**. Что бы это значило? Только одно: березы весной. А это? **«Стоят девицы — русые косицы; платья серебрёные, шапки золоченые»**. Тоже только одно: березы осенью.

Как видишь, читатель, все действительно обстоит очень просто. Автор занятной книжки «Загадки о растениях» С. А. Кивотов пользовался именно таким способом, а издательство «Просвещение» одобрило его, выпустив книжку объемом в 108 страниц и тиражом в 30 тысяч экземпляров.

Однако по прочтении книжки возникает вопрос, ответа на который в труде С. А. Кивотова, увы, нет, хотя вопрос этот, пожалуй, содержит главную загадку. Почему мальчонки (девчонки, старички) в нейлоновых рубашонках (дубленках), в пыжиковых колпачках (каракулевых шапчонках) поспешили выпустить книжонку, потеснив в издательском плане более достойные и полезные фолианты?

П. ВАЛУЕВ

СОВРЕМЕННАЯ КАРИКАТУРА ГДР

К 20-летию Германской Демократической Республики в Берлине была открыта выставка «Карикатура — оружие».

Часть работ с этой выставки экспонировалась в **Москве**, в Доме Союза художников СССР. Это плакаты, гравюры, монтажи и рисунки, в свое время публиковавшиеся в газете «Нойес Дойчланд» и в журнале «Ойленшпигель».

Воспроизводим некоторые рисунки с этой выставки.

Запрограммирован желтой прессой.

Рисунок Хорста ШРАДЕ

Есть еще судьи в Боннской республике.

Рисунок Эрнста ЯДЗЕВСКОГО

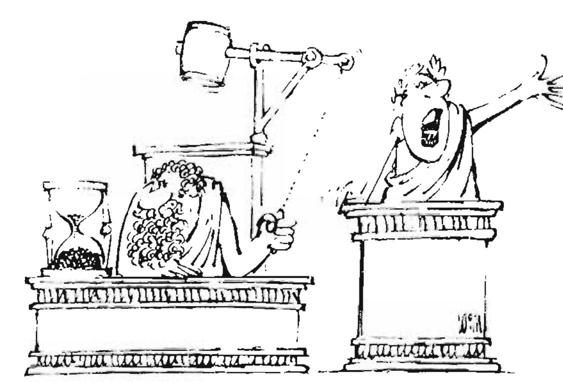

Рисунок Вилли МЕЗЕ

ВОКРУГ ЧЕРЕПАХИ

Этот симпатичный фильм начинается с досадной неточности. Титры гласят, что кинокартина создана специально для малышей, а также для их старших братьев и сестер, пап и мам, дедушек и бабушек. Что ж, список достойный. Но где дяди и тети? Становится по-человечески обидно за них, тоже внесших неоценимый вклад в воспитание подрастающего поколения.

Так что уточним: фильм «Внимание, черепаха!», выпущенный студией имени Горького, создан теми, кто любит детей, для всех тех, кто любит детей.

Его сюжет простой: бабушка носится на мотоцикле, профессор стирает белье, первоклассник изобретает порох, колонна могучих танков аккуратно объезжает лежащую на дороге черепаху... Как видите, ничего особенного. И вряд ли режиссер - постановщик Ролан Быков и весь возглавляемый им киноколлектив сумели бы заставить зрителей в течение полутора часов охать, хохотать, кряиать, всхлипывать, затаивать дыхание и нервно елозить на сиденьях, если бы всё их произведение не было пронизано светлой, самозабвенной любовью к малышам.

Следует заметить, что взрослые артисты, такие, как З. Федорова, А. Баталов, Р. Быков, играют хорошо. Но, пожалуй, их юные, 8—9-летние коллеги справились со своими ролями еще лучше, создав незабываемые образы. И даже не просто незабываемые, а выдающиеся. Именно так и сказал одии известный кинокритик, выходя из зала после просмотра фильма.

Впрочем, возможно, в ту минуту его устами говорил не критик, а просто дедушка. Или даже дядя...

СМЕШНО О СЕРЬЕЗНОМ

В обычном, читательском понимании слово «юмореска» — это совсем уж какая-нибудь литературная крохотулька. В этой связи очень хотелось бы напомнить, что слово «юмор» имеет отношение не к одним крохотулькам, смешинкам, чепушинкам, хохотулькам и пр., а содержит в себе и более серьезный смысл.

Так рассказывает писатель Николай Носов о своей книге «Иронические юморески», вышедшей в издательстве «Советская Россия». Познакомившись с ней, молодой читатель узнает о том, «нужно ли называть своих родителей предками и конямн», прочитает «о старых песочницах, волшебных лавках, смелых замыслах и золотом осле», а сверх того и «об употреблении спиртных напитков», что тоже немаловажно.

Короче, юноши и девушки, вступающие в жизнь, найдут в книге много полезного. Точно так же, впрочем, как и некоторые взрослые...

А. ПОРТЕР,
специальный
корреспондент
Крокодила

У каждого ребенка обычно бывает один отец. Это, так сказать, самая простая схема. Но жизнь не схема. И человек тоже. Иногда у него происходит раздвоение личности. И тогда получается двойной папа. То есть один папа — это папа дома, другой папа — это папа на работе. Такой психологический парадокс.

Однако этот парадокс не всем детям по душе. Вот Рита Никонова из города Мурманска просит художников «Крокодила» нарисовать карикатуру на своего раздвоенного папу. Дело в том, что один ее папа — папа на работе — очень хороший и пользуется доверием, а ее другой папа — папа дома — пьянствует и все такое...

Вообще этот парадокс дети объяснить обычно не могут. Я имею в виду — научно. И вот приходит Петя из 5-го «Г» в школу и докладывает учителю:

— А мой папа вчера был не в форме!..

Что в переводе означает, что папа данного Пети был в стельку пьян, и поэтому урока Петя выучить не смог. Папа излагал ему свою педагогику. Ремнем или другим предметом обихода.

Школа в таких случаях, понятно, возмущается. В том же городе Мурманске возмутилась, например, школа № 43 папой Серафимом Николаевичем Заозерским. Ну и послала по наивности к Серафиму Николаевичу домой своего временного поверенного — учительницу его сына Тараса. Но, вы меня извините, что такое учительница для сильно пьющего здорового мужчины? Да он ей такое скажет, что...

Так, собственно, и произошло. Тогда простодушная школа № 43 направила к Серафиму Николаевичу несколько парламентеров из состава родительского комитета. Но, вы меня опять извините, что такое родительский комитет для сильно пьющего здорового мужчины? Да он их всех просто...

Так, собственно, и произошло. «Ах, так! — обиделась школа.— Пора его приструнить...» И направила инициативную группу к администрации плавмастерских, где Серафим Николаевич работает слесарем. И тут-то оказалось, что папа Заозерский — двойной папа. То есть, если дома он пьет и все такое, то на работе он не пьет и ничего такого. Поэтому администрация плавмастерских несколько растерялась, но на всякий случай дала ему выговор.

Но, вы меня извините, что такое выговор для сильно пьющего здорового мужчины? Да ему на этот выговор...

Так, собственно, и произошло. И теперь школа совершенно не знает, что ей делать с таким двойным папой. Да что там школа! Мурманский горком партии, где известно об этой раздвоенности, тоже не знает. Говорят, трудный случай...

А случай действительно трудный. И трудней всего в этом случае восьмилетнему сыну Серафима Николаевича — Тарасу и семилетней дочке Марине.

Впрочем, не только им. Трудно также маленькому мальчику Вове Хайболову, у папы которого, Семена Алексеевича, тоже наблюдается удивительный парадокс.

— Как тут быть? С одной стороны, он, конечно, того... Но, с другой стороны, дело знает неплохо...

Это говорил корреспонденту «Крокодила» Николай Николаевич Николаев — начальник общего отдела Мурманской конторы Госбанка, в подчинении у которого и находится папа Хайболов.

Верно, что тут делать, дорогие товарищи? Тут совершенно никто не знает, что делать. В этих раздвоенных папах иному психологу не разобраться, а не то что начальнику общего отдела Госбанка. И потому придется маленькому Вове Хайболову побегать от своего пьяного папы. Пока, значит, у этого папы наблюдается психологический парадокс.

Но дети — народ требовательный. Они хотят, чтобы папы у них были не раздвоенные, а обыкновенные. Чтобы эти папы были трезвы не только на работе, но и дома. И когда это желание сразу не исполнишь, они начинают безответственно капризничать и писать письма с просьбой нарисовать карикатуру на их папу. Как сделала уже упомянутая Рита Никонова.

— Карикатуру?! На родного отца?! — дивился такому диву начальник автобазы управления «Севрыба» Иван Александрович Гаврилов, в подчинении у которого и находится раздвоенный папа Риты — Евгений Андреевич Никонов.— Это ж надо додуматься!

Вообще дети в городе Мурманске, надо сказать, народ действительно очень мыслящий. Даже пососообразительнее некоторых взрослых товарищей.

И пока эти взрослые товарищи ломают головы, как им быть с раздвоенными папами, некоторые детишки уже кое-что про себя решили.

— Если б моему папке на работе как следует всыпали, он бы пить водку бросил и нас с мамкой не обижал.

Это решение вынес мальчик Слава, фамилию которого я называть не хочу. Потому что еще неизвестно, поддержат ли Славу руководители его папы. А если не поддержат?.. Тогда, знаете ли, и самому Славе всыпать могут. Один из его пап. Точнее, тот, который пьет дома.

г. Мурманск

— Хоть бы где-нибудь найти медвежий угол!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

претендуют:

ДИРЕКТОР ЧУВАШСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА тов. И. ИВАНОВ

Когда Чувашское книжное издательство решило выпустить сборник молодых поэтов «Парус», в нем не последнее место заняли стихи Г. Яковлева. А потом оказалось, что все стихи Г. Яковлев заимствовал у своих собратьев по перу. Об этом и поведал читателям фельетон А. Филько «Надкушенные пирожки» («Крокодил» № 5).

Как сообщает тов. И. Иванов, «факт литературного плагиата обсуждался на собрании русской секции Союза писателей Чувашии, а также на редакционном совете альманаха «Парус». Издательство отказалось от услуг Г. Яковлева и указало составителям сборника В. Захарову, В. Мурашковскому и редактору А. Дмитриеву на необходимость более строгого отбора произведений молодых авторов».

СЕКРЕТАРЬ АПШЕРОНСКОГО РАЙКОМА КПСС тов. А. ГОРЕЛОВ

Дважды выступал «Крокодил» по поводу таинственного сооружения, появившегося в апшеронском городском парке «Юность». Несколько лет стоит там бетонный котлован неизвестного назначения. Оказывается, он предназначался под бассейн, который по санитарным соображениям не разрешили открыть. Поэтому, чтобы истраченные деньги не пропали зря, решено было соорудить на этом месте фонтан.

Время шло, но все оставалось по-прежнему. Котлован был, а фонтан не бил (см. № 1—68 г., № 22—69 г.).

Как сообщает тов. А. Горелов, «решением бюро райкома председателю горсовета тов. А. Чичкунову за волокиту, проявленную при решении вопроса по реконструкции бассейна, за игнорирование критики «Крокодила» объявлен выговор. На днях состоялось открытие фонтана».

МИНИСТР МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БУРЯТСКОЙ АССР тов. М. ЗАВГОРОДНЯЯ,

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСПЛАНА БУРЯТСКОЙ АССР тов. Л. ЕГОРОВА

Как известно, **Бурятия** — это экзотика, однако на прилавках магазинов бурятских сувениров не найти. Все попытки организовать производство сувениров на местных заводах и построить специальную фабрику сувениров успеха не имели (фельетои А. Митникова «Сувениры из Марокко», «Крокодил» № 3).

Как сообщили тт. М. Завгородняя и Л. Егорова, фельетон признан правильным. Начато строительство фабрики художественных изделий и сувениров, которое будет закончено в 1972 году. Несколько заводов в системе местной промышленности Бурятии осваивают производство сувениров. К изготовлению памятных подарков привлечены народные умельцы.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА «ГЛАВСЕЛЬСТРОЙПРОЕКТА» тов. С. МЕРЗЛЯКОВ

В фельетоне В. Преображенского «На алтаре науки» («Крокодил» № 7) говорилось о том, что в орловском институте «Гипронисельпром» за четыре года пустили на ветер 4 миллиона рублей. Парадный подъезд и холл института украшались произведениями искусства, стоящими огромных денег, делались красивые, но никому не нужные макеты теплиц, работники института получали высокие надбавки к зарплате, ездили в ненужные командировки и т. п.

А вот реальной помощью сельскому хозяйству институт, прямо скажем, не блистал. Правда, давались всякие рекомендации, но пользоваться ими было нельзя. Составлялись проекты, украшавшие собой институтский архив. А когда по одному проекту рискнули построить овощехранилище, подвели сами овощи: сгнили.

Как нам сообщил тов. С. Мерзляков, фельетон обсуждался в главке. На директора орловского института Г. Горского наложено строгое взыскание. Начальнику планово-производственного отдела П. Лариной и главному бухгалтеру Н. Чернову за грубое нарушение штатной и финансовой дисциплины объявлены выговоры. Такое же взыскание получили заместители директора института А. Шипилов и С. Египцев.

Мы получили ответ и от Орловского обкома КПСС. Фельетон обсуждался на бюро обкома. По партийной линии Г. Горский получил строгий выговор с занесением в учетную карточку. Ему предложено взыскать с виновных неправильно выплаченные деньги.

Вл. ПАНКОВ

ИМЕТЬ ИЛИ НЕ ИМЕТЬ?

Я женат сравнительно давно, но это еще ни о чем не говорит.

Жена у меня хоть и молода, но живет богатой духовной жизнью, в том числе пишет диссертацию, занимается общественной деятельностью, плавает пять раз в неделю в бассейне, ходит на премьеры и кинофестивали.

Я тоже достаточно развит: участвую в художественной самодеятельности, в качестве хобби чеканю по латуни, люблю спорт (с трибуны стадиона) и так далее.

Короче, забот в нашей семье всегда полон рот.

— Сегодня вечером мы идем на премьеру в театр на Ходынке,— деловито излагает наши планы на сегодня жена.

— Вечером? Здрасте. У меня сегодня репетиция в заводском мюзик-холле.

— Но ведь премьера!

— Не могу же я подводить ребят.

— Перенеси репетицию на ночное время. Имей в виду, я отрываю этот вечер от своей диссертации, и ты должен это ценить.

— Я ценю, но...

— Ради тебя я пропускаю бассейн.

— Я все понимаю, но мне нужно еще подготовиться к диспуту.

— Что за диспут?

— Хотим обсудить статью «Сколько иметь детей?».

— Чепуха. Кому это может быть интересно?

— Ты так считаешь?

— Я по себе сужу.

— Да? Но у нас многие интересуются. Люди хотят знать, к чему это может привести. Социология, ты же понимаешь...

— Да к чему же еще это может привести?.. Вот представь себе, заведем мы себе ребенка... Диссертация летит, бассейн летит, твой мюзик-холл летит, чеканка на общественных началах летит, я не говорю уже об общем тонусе духовной жизни, который тоже летит. Кроме того, это страшное, сосущее чувство — любовь к детям...

— А что — любовь к детям?

— Как что? Полюбишь ты свое чадо отцовской любовью, я — материнской, а вдруг развод?

— Какой развод? Откуда?

— Мало ли что в жизни бывает. Я говорю: а вдруг... Придется тогда делить.

— Что делить? — Я часто заморгал.

— Что делят при разводах. Ну из-за мебели, барахла мы с тобой, как люди интеллигентные, ругаться не станем, но ребенок... Как его поделишь?

— Ну, можно так: неделю он будет жить у тебя, неделю у меня.

— Неделю? Да за неделю ты так истоскуешься по нему, что вообще не захочешь жить уже на третьи сутки.

— Ну, может, тогда день у тебя, день у меня?

— Ты скажи еще: одна нога здесь, другая там...

— А что, если,— осенило меня,— иметь двух детей? Тогда один будет у тебя, другой у меня.

— Ну да, один будет тосковать по папочке, а другой — по мамочке.

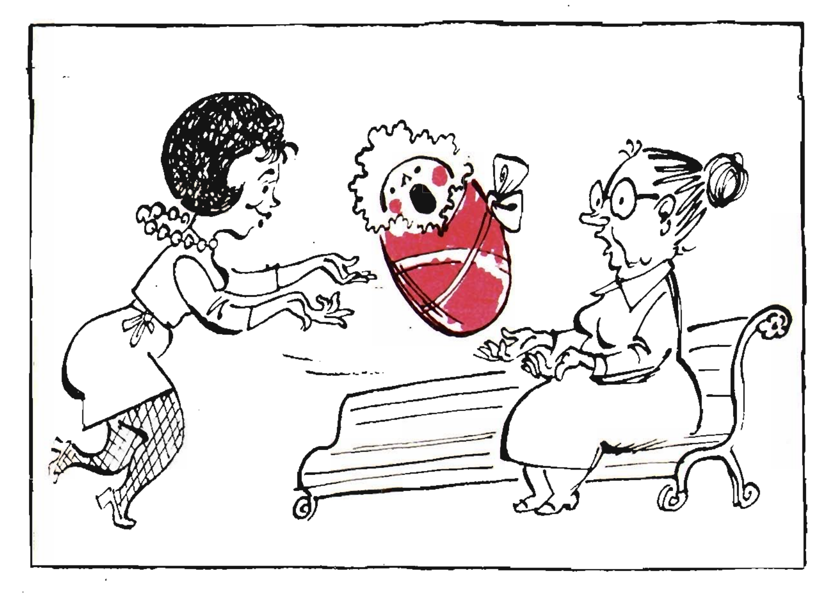
— Идея! Послушай, что я придумал... Утром один будет у тебя, а другой у меня, а к вечеру мы ими обменяемся. Тогда и мы не будем тосковать по ним и они не будут по нас.

— Да, но они будут тосковать друг по другу...

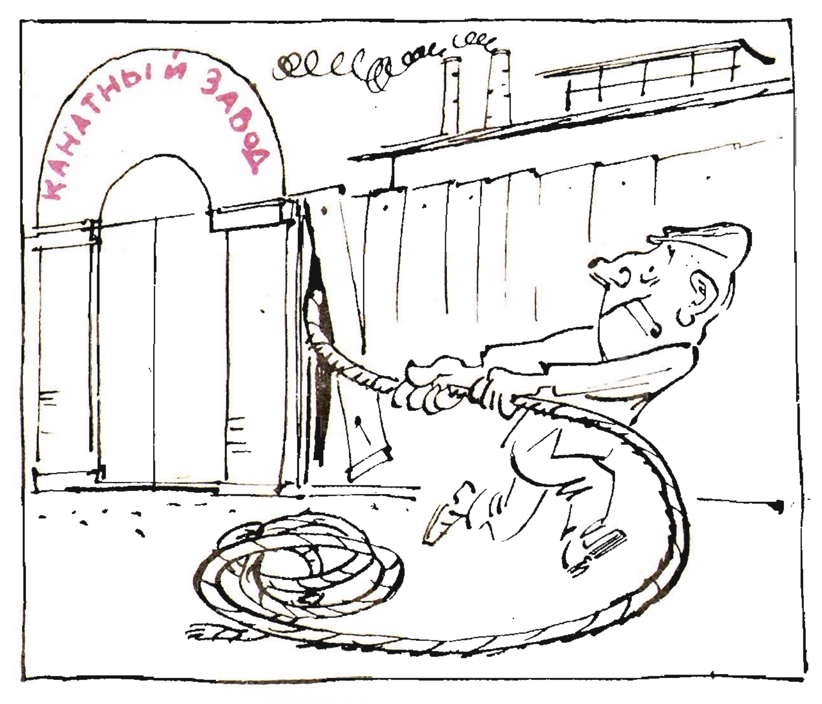
Я взвыл, схватился за голову, бешено вращал глазами, потом уже спокойнее сказал:

— Да, пожалуй, лучше развестись сейчас, пока нет детей. С детьми такие хлопоты...

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

«Дочки-матери».

Перетягивание каната.

Набрасывание колец.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Людмиле Бражко из города Запорожья было хорошо, а В. Лапину из города Новотроицка — не очень.

Купил В. Лапин для своей новой квартиры 5 табуретов, сколоченных на Колтубановской мебельной фабрике, а они сразу начали похрустывать, как хрустящие хлебцы, и не прошло двух недель — все целиком развалились.

Людмиле Бражко из города Запорожья было по-прежнему хорошо, а И. Вавилову из села Кувакино, Чувашской АССР,— еще хуже, чем В. Лапину.

Купил директор И. Вавилов для своей средней школы 30 стульев, сработанных семеновской фабрикой «Хохломская роспись», а они сразу взялись поскрипывать, точно сапоги со скрипом, и не прошло полутора месяцев — двадцать два полностью развалились. Остальные же восемь поскрипывают так жалобно, что на них разве только портфель и рискнешь усадить.

Людмиле Бражко из города Запорожья было по-прежнему хорошо, а А. Мадрасимову из Хорезма — еще хуже, чем И. Вавилову.

Купил ректор А. Мадрасимов для студентов Хорезмского педагогического института 600 стульев, изготовленных фирмой «Щарк», а они сразу стали потрескивать, что твои кастаньеты, и не прошло трех месяцев — четыреста вдрызг развалились. Остальные же двести потрескивают так замечательно, что хоть сегодня организуй институтский ансамбль трескучих инструментов.

А Людмила Бражко из города Запорожья купила для своей новой квартиры целый гарнитур, выпущенный Хустским мебельным комбинатом. Особенно стол попался приятный. Не похрустывает, не поскрипывает, не потрескивает. Это, наверно, потому, что он без ножек. Ножки на комбинате остались. И Людмила Бражко время от времени пишет туда: интересуется насчет ножек. Ну, а комбинат, естественно, ни ответа, ни привета.

И стол, вернее, крышка стола, стоит себе благополучно у стены, крепко стоит, твердо и вовсе даже не разваливается.

Вот почему Людмиле Бражко из города Запорожья по-прежнему хорошо.

В. АЛЕКСАНДРОВ

В. ЦАГОЛОВ, Л. АЛЕКСАНДРОВА

ПО ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ...

Девяносто лет прожил почтенный Заурбек, а на здоровье никогда не жаловался. Даже не знал, с какой стороны у него сердце. На охоту ходил вместе с внуком, лезгинку танцевал не иначе, как на носках.

И вдруг откуда ни возьмись радикулит. Скрючился Заурбек, ни встать, ни сесть. Кряхтя и охая, отправился он впервые в жизни в поликлинику.

Выдали ему талончик к врачу, и уселся наш болящий на длинную скамью рядом с другими очередниками. Возле него сидела женщина с красным и распухшим носом, громко беседовавшая со своей соседкой.

— И на кой шут тебе эти врачи! — гремела красноносая.— Они, милая, из здорового больного сделают, а из больного и того хуже... Пилюлями пичкают да уколами донимают, иглу во все места тебе тыркают. Это все, голубушка, химия. А от химии в саду-огороде всякая тля, жуки да гусеницы дохнут. Мы, правда, не жуки, а все живая тварь, химия и нам вредная. Ты вот что, поезжай в селение Црау, к тете Дусе. Она какую хочешь заразу вылечит. И не что-нибудь одно, как врачи: с левой ногой иди к одному, а с правой — к другому. Она все подряд пользует. Все внутренности и наружности. Вот видишь мой нос?

— Как его не видеть?— пробурчала соседка.— Такой видный предмет...

— С этим носом я к Дусе три месяца за сто километров не ленюсь ехать. Она его помажет слюной, потрет, а сама в это время что-то чудное приговаривает...

Соседка ухмыльнулась и коварно спросила:

— Чего же ты к ней не поехала, а сюда явилась со своим носом? А?

— У меня дело другое. Больничный надо продлить. А Дуся бюллетеней не дает. Нету у ней бланков-то. Ущемляют человека. Не снабжают.

Заурбек подумал:

«Бюллетень мне ни к чему, я на пенсии. Поеду-ка я в Црау, авось мне эта тетка поможет».

И поехал Заурбек в Црау.

Оказалось, не так просто попасть на прием к целительнице. У калитки дома № 5 по Комсомольской улице очередь была побольше, чем в поликлинике. Пациенты были самые разные: мужчины, женщины, старики, молодежь, дети самоходные и дети на руках матерей. Пока постояли, поговорили, поделились сведениями о своих болезнях, калитка открылась, и на улицу вышла сама Евдокия Исаевна Артамонова, плотная, немолодая дама, по самые глаза укутанная в шерстяную шаль. Она пригласила паломников в дом.

Поскольку дед Заурбек был последний в очереди, он вдоволь насмотрелся на методы врачевания. И как знахарка поплевывала на больное место, и как спрыскивала какой-то мутной водицей, и как ловко прятала в ящик стола «гонорар». Мотал все это старый дед на свой сивый, длинный ус и сообразил, что попал к аферистке-знахарке. Он живо выскочил на улицу и помчался, забыв о своем радикулите. Дед несся во всю прыть и в то же время думал: «Сейчас на попутной машине махну в Алагир и там расскажу районному начальству, как эта негодница дурачит людей да деньги с них сдирает. Пусть прекратят безобразие».

Деду Заурбеку повезло: вскоре он уже входил в районное отделение милиции. Его там выслушали приветливо и очень вежливо ответили:

— Извините, почтенный, но об этой женщине мы никогда ничего не слышали. Ни хорошего, ни плохого.

Дедушка отправился к районному прокурору и поведал ему о тете Дусе.

— Интересно! — сказал прокурор.— Какие странные люди бывают на свете! Да множатся дни вашей жизни, уважаемый, спасибо, что рассказали. Без вас мы так бы и остались в неведении. Надо бы заняться этим делом...

«Вот здорово,— подумал дед, выходя из прокуратуры.— Ничего они не знают. От Алагира до Црау всего семь километров. А как же люди за семь тысяч километров узнают всякие новости?»

Заурбек отправился в сельсовет. Заместитель председателя Александр Есенов очень обрадовался визиту деда, предложил ему стул, спросил о благополучии семьи и здоровье скота. И даже сообщил, что о тетке Дусе он наслышан.

— Но какое мне до нее дело? — добавил Есенов.— Я ведь не освобожденный заместитель, основная моя работа — председатель рабочкома совхоза. Я к ней никогда лечиться не ходил, и из семейства моего тоже никто не ходил. Так что мне ни к чему с ней связываться.

Старый Заурбек думал, гадал и наконец решил, что, раз все отказываются, может, обратиться к прессе. Дед оказался прав. В редакции его выслушали, выписали удостоверение и сказали:

— Садись, дедушка, в нашу машину, поезжай к этой мошеннице и возьми у нее интервью.

Дед было испугался, но ему растолковали, что такое интервью. И вот он уже мчится в Црау, к знакомому дому на Комсомольской.

— Я из редакции, приехал взять у вас интервью,— сразу брякнул дед.

— А что это за лекарство?—подозрительно спросила тетя Дуся.— Этого... интер... может, у меня не хватит... Ага, понятно. Так бы и сказал. Это можно. Ничего плохого я не делаю, никого не ограбила, не убила. Лечу людей от болезней всяких, сама деягнос ставлю. Падучих детей пользую на общественных началах. Вот и тетрадь с отзывами и благодарностями имеется. А что я иногда на картах гадаю, так это только по требованию. Сама не навязываюсь... Ну, что еще? Что плюю—так это правда. Но я не только плюю. У меня и медикаменты имеются самые модные. Где беру? Опять же не ворую, а дочка присылает. Она у меня врачом работает...

Но тут произошло что-то непонятное. Знахарка умолкла, начала дергаться, трясти руками и ногами и брякнулась на пол. Корреспондент не растерялся, он немедленно завопил во всю глотку:

— Эй, хадзаронта![1]. Кто там есть? Сюда, скорее!

Из другой комнаты выскочила женщина и, крикнув Заурбеку: «Никого не впускай, старый хрыч!»,— куда-то помчалась. Оказалось, что бегала она за врачом, ибо вскоре появилась молоденькая фельдшерица Зоя Бекмурзова. Видимо, девушка была здесь не впервые: она уложила тетку Дусю на кровать, под образа, рядом с телевизором, сделала ей укол, и Дуся очухалась.

«Ну, сейчас погонит она фельдшерицу»,— подумал старый Заурбек. Но Дуся неожиданно для него сказала совсем другое:

— Родненькая моя Зоя, спасла ты меня от безвременной смертушки!

А Зоя сказала:

— Евдокия Исаевна, зачем вы людей дурачите? Ну, какой вы врач, когда сама у нас в поликлинике на учете? У вас ведь эпилепсия...

Тетя Дуся реагировала на это таким образом:

— А кто их дурачит? Они сами придурки. А беру я не так уж дорого, по десятке всего. Это мне добавка к пенсии. Вон глянь-ка в окно. Уже собрались. А я их не звала, сами притащились.

Дед решил, что больше ему тут ничего не скажут, и выбрался во двор. Там бабы восторженно судачили:

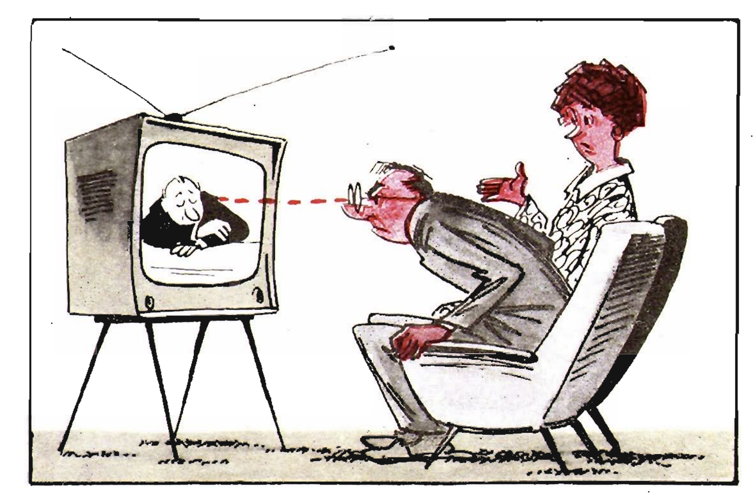
— У Евдокии-то врачиха сидит. Опыт у нее перенимает. Вопросы всякие задает...

— Да уж, к ней то и дело наши доктора на консультацию являются,— подхватила другая.— А куда же им, бедным, еще идти? Дуся, она ведь врач по всем болезням — и внутренним и наружным...

Это были последние слова, которые услышал дед Заурбек. Вернувшись домой, он поспешил пересказать все услышанное нам.

[1] Хадзаронта — домочадцы, домашние (осет.).

— Прекрати же, наконец, свои опыты с гипнозом!

Рисунок Д. АГАЕВА

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Мания величия

маниакальное желание баскетбольного тренера найти игрока трехметрового роста.

Почивать на лаврах

выражение родилось в одном из южных приморских поселков. Хозяин дома сдал все углы и чердаки «дикарям», а сам ночевал в сарае на тюках с лавровым листом, предназначенным для продажи.

М. СИВЫЙ, г. Богородск

Дело в шляпе

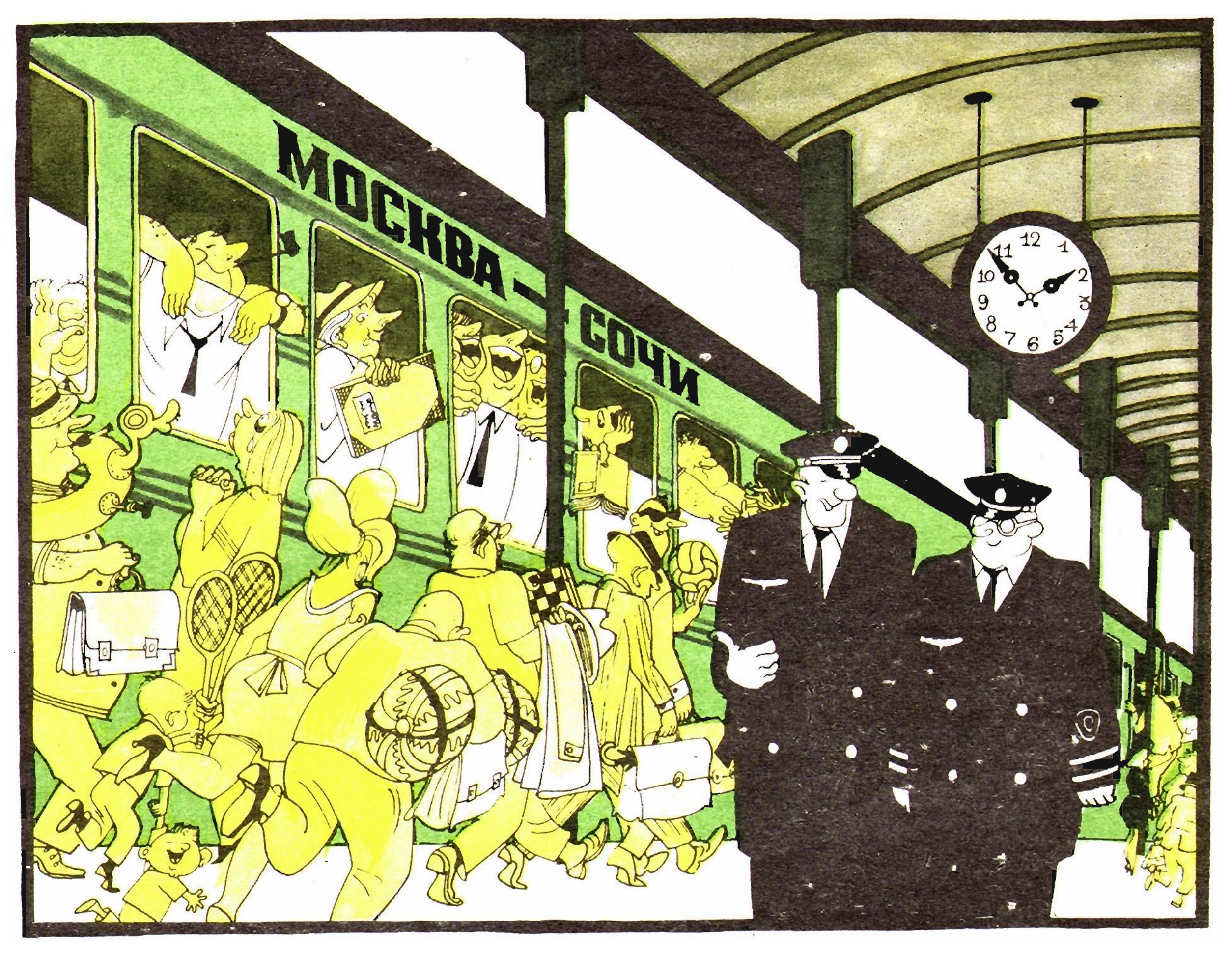
диагноз врача, поставленный больному, носившему в студеную зимнюю пору шляпу вместо остродефицитной ушанки.

И. ЧЕБОТАРЬ, Москва

Жми на всю железку

последнее напутствие, которое услышал недавно в Минске от своего тренера штангист Василий Алексеев.

Н. БОДАКОВ, г. Фрунзе

— Пришлось специально для командированных ввести дополнительный поезд на летний сезон.

Рисунок О. КОРНЕВА

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

ПЯТЬ С ПЛЮСОМ

Любознательность присуща нам с детства.

Совсем, понимаете ли, молодое несмышленое дитя волнуют таинственные звуки погремушки или, допустим, элементарный лай дворовой собачки.

Несколько позднее подросшее дитя с нескрываемым любопытством разглядывает картинки в книжках или даже смотрит футбол по телевизору.

Наконец, подавляющее большинство школьников и студентов очень интересует содержание экзаменационных билетов, разложенных перед ними на столе.

Правда, узнать заранее содержание этих билетов крайне трудно. Но можно.

Для этого надо лишь поступить в Орехово-Зуевский пединститут и, доучившись до последнего курса, заняться госэкзаменами.

Дело это поставлено здесь на строго научную основу.

Перво-наперво подробно изучаются все вопросы в билетах.

Потом исследуется предстоящая схема расположения их на столе по номерам.

Затем проводится жеребьевка, и в соответствии с ней каждый студент получает свой, определенный номер билета.

Только тогда, твердо зная, где именно на столе лежит такой-то билет, студент уверенно и бодро идет сдавать по такой вот системе математику, педагогику или философию.

Мудрецы, а? Канты и Шопенгауэры!

Но, позвольте, откуда все же эти мудрецы доставали заветные билеты?

Ну, это уже очень просто, и философия здесь ни при чем. Их давал студентам секретарь государственной экзаменационной комиссии института Михаил Полуэктович Мамонов.

Конечно, не за прелестные глаза выпускниц. Не за «спасибо» выпускников. За денежки.

А деньги эти тоже собирали в иных учебных группах института по определенной системе.

Ответственное дело обычно поручалось ответственным товарищам — то ли старосте группы Распоповой, то ли комсоргу Бурцевой... Была установлена и определенная такса — по 5 рубликов с носа.

Складывали, значит, эти купюры, засовывали в коробку из-под сигарет и несли к Михаилу Полуэктовичу — преподавателю и секретарю.

Михаил Полуэктович очень возмущался этим наглым фактом. Кричал и ножкой топал:

— Убрать! Как вам не стыдно? Не на того напали!

— На того, на того,— успокаивали его студенты-математики Салов, Евсеев, Шушлин.— Берите, ведь с ними лучше, чем без них,— это же как дважды два четыре!

Не устояв перед железной логикой этой формулы, Мамонов стихал и сдавался.

А за математиками в дверь уже заглядывали подмигивающие физики.

— Не надо,— снова стонал от соблазна Мамонов,— не хочу. Поймите, я лирик!

Физик Блинков понял и передал деньги через даму, лаборантку. Это выглядело гораздо лиричнее. Тем более, что дама сказала:

— Берите, Мамонов, иначе они все равно всю эту сумму пропьют.

— Ну разве что из чисто антиалкогольных соображений,— вздохнул Мамонов и пропил сумму сам. Поскольку к бутылке давно имел великое тяготение.

Но взятые на себя обязательства он всегда выполнял аккуратно.

Теперь, если студент, выходя из аудитории, сообщал: «Сдал на пять»,— все понимали, что он оправдал свой денежный взнос полностью, сдал по пресловутой «системе» на «отлично».

Случалось, конечно, что от волнения студент хватал не тот билет или наивный преподаватель в последний момент перемешивал тщательно разложенный Мамоновым пасьянс. Тогда экзаменующийся сдавал не на пятерку, а на 3 руб. 50 коп. или там на 1 руб. 75 коп. Впрочем, и тут приходил на помощь Мамонов, подсовывая тонущему спасительную шпаргалку.

Но, представьте, ответил студент по шпаргалке, а преподаватель — бац! — дополнительный вопрос.

А за него не плачено. И вообще он не предусмотрен, его невозможно учесть ни по какой системе. Вот вам и срыв, расстройство, порой даже слезы...

Но почему-то никто из экзаменующихся ни разу не расстроился, не пролил слезу по поводу собственного поведения.

Что же происходило в институте? С Мамоновым, в общем-то, вопрос ясен. Но неужели там учились такие уж нерадивые, тупые студенты? Нет. Все они, лучше ли, хуже ли, могли сдать госэкзамены честно.

В некоторых билетах по педагогике были примерно такие вопросы:

1) Как воспитать сознательное отношение к труду?

И будущие педагоги отвечали на него чисто практически — списыванием исподтишка содержания билетов.

2) Как воспитать высокую дисциплину и навыки поведения?

Ответ на этот вопрос следовал по шпаргалкам, полученным украдкой от экзаменаторов.

3) Каковы задачи нравственного воспитания?

Эти задачи студенты решали с помощью взятки.

Причем выпускница института Любовь Мамонтова прямо заявила:

— Сказали пять рублей — дала пять. Сказали бы десять — дала бы десять, сколько нужно, столько и дала бы.

Вот как!

И этот, с позволения сказать, педагог будет учить ребят прямоте, принципиальности, благородству?.. Трудно представить.

Трудно представить и ту степень нахальства, с которой все это делалось в Орехово-Зуевском пединституте. Ведь иногда схему билетов или шпаргалку Мамонов передавал прямо в коридоре, в столовой, а жеребьевки, куда более оживленные, чем иные собрания, проходили прямо в общежитии, при открытых дверях.

Между тем знания студентов, их подготовку к экзаменам никто по-настоящему не проверял.

Если добавить к этому абсолютный хаос и бесконтрольность в хранении и выдаче билетов, то можно, пожалуй, уже сделать и выводы.

Они очевидны.

Существуй госэкзамены по близорукости и беспечности,— руководители Орехово-Зуевского пединститута наверняка сдали бы их успешно.

На пять с плюсом!

Вл. БАХНОВ

БЕЗ НАМЕКОВ

Виктор Кузнецкий — бессменный редактор нашей стенгазеты «За сокращенные штаты». Амбиция у него невероятная и, так сказать, обратно пропорциональна амуниции. Однако есть у Кузнецкого и одна редкая способность: он умеет любую самую простую ситуацию превратить в безвыходное положение, а потом из этого положения найти неожиданный выход.

Недавно Кузнецкий заглянул к нам в конструкторское бюро и знаками вызвал меня в коридор.

— Ну, даешь! — сказал он, хлопая меня по плечу и восторженно тряся головой.

— Ты о чем?

— О твоем рассказе. Хороший рассказ, толковый! Пойдем покурим.

Мы прошли в конец коридора, вышли на лестничную площадку и, усевшись на подоконник, закурили. Я вообще-то не курю. Но не так часто хвалят мои рассказы, и я надеялся услышать что-нибудь приятное.

— Нужный рассказ и смешной,— сказал Витя, поблескивая очками.— Он будет украшением нашей стенгазеты! Только имя героя лучше все-таки изменить...

— Почему? Обычное имя — Семен Семеныч.

— Конечно, обычное. Но все подумают, что ты имеешь в виду Степан Степаныча.

— При чем здесь Степан Степаныч? — искренне удивился я.— Ведь рассказ о том, что Семен Семеныч увлекается хоккеем в рабочее время. А всем известно, что наш Степан Степаныч ни разу не был на стадионе и не может отличить хоккей от футбола.

— Вот видишь,— легко согласился Кузнецкий,— так зачем тебе нужно, чтобы кто-нибудь истолковал твой рассказ как-нибудь не так? Ты только не подумай, будто я заступаюсь за Степан Степаныча потому, что он наш директор...

— Да поверь, я вовсе не имел его в виду.

— Верю. Но ведь твое произведение буду читать не только я. Нет-нет, имя-отчество необходимо изменить.

— Пожалуйста, я могу превратить Семен Семеновича в Иван Иваныча.

— Степан Степаныч — Иван Иваныч...— медленно проговорил Витя, как бы прислушиваясь.— Нет! Все равно напрашиваются ненужные аналогии.

— Хорошо, пусть героя зовут Пантелеймон Казимирович.

— Уже лучше. Но все-таки многие догадаются.

— О чем догадаются? — закричал я.

— Старик, ну зачем ты так со мной разговариваешь? — обиделся Кузнецкий.— Ты же сам знаешь, что мне твой рассказ нравится и я тебе желаю добра. Ты сам говоришь, что не имел в виду Степана Степановича. Значит, следует сделать так, чтобы это было ясно.

— Каким образом?

— Надо подумать. Беда, понимаешь, в том, что Степанович и Казимирович одинаково кончаются на «ич»...

— В русском языке все отчества имеют окончание «ич».

— Почему все? А Вера Михайловна, например?

— Но Вера Михайловна — женщина...

— Ну и что?

— А действительно, что если героем рассказа будет не Семен Семеныч, а женщина — Аглая Тихоновна? — предложил я.

— Это идея! — оживился Кузнецкий, но тут же снова задумался.— Нет, с женским именем еще обидней для шефа получается...

Итак, Виктор Кузнецкий сделал свое дело: положение стало безвыходным.

— А может, превратить рассказ в басню? — робко предложил я.— Один Медведь любил футбол...

— Шито белыми нитками! Неужели ты думаешь, никто не догадается, кого ты называешь Медведем? Ты уж лучше прямо напиши: Степан Степаныч! — Вдруг Кузнецкий обрадованно засмеялся и соскочил с подоконника.— Слушай, а что если вправду назвать твоего героя Степан Степанычем? А?

— Как? — не понял я.

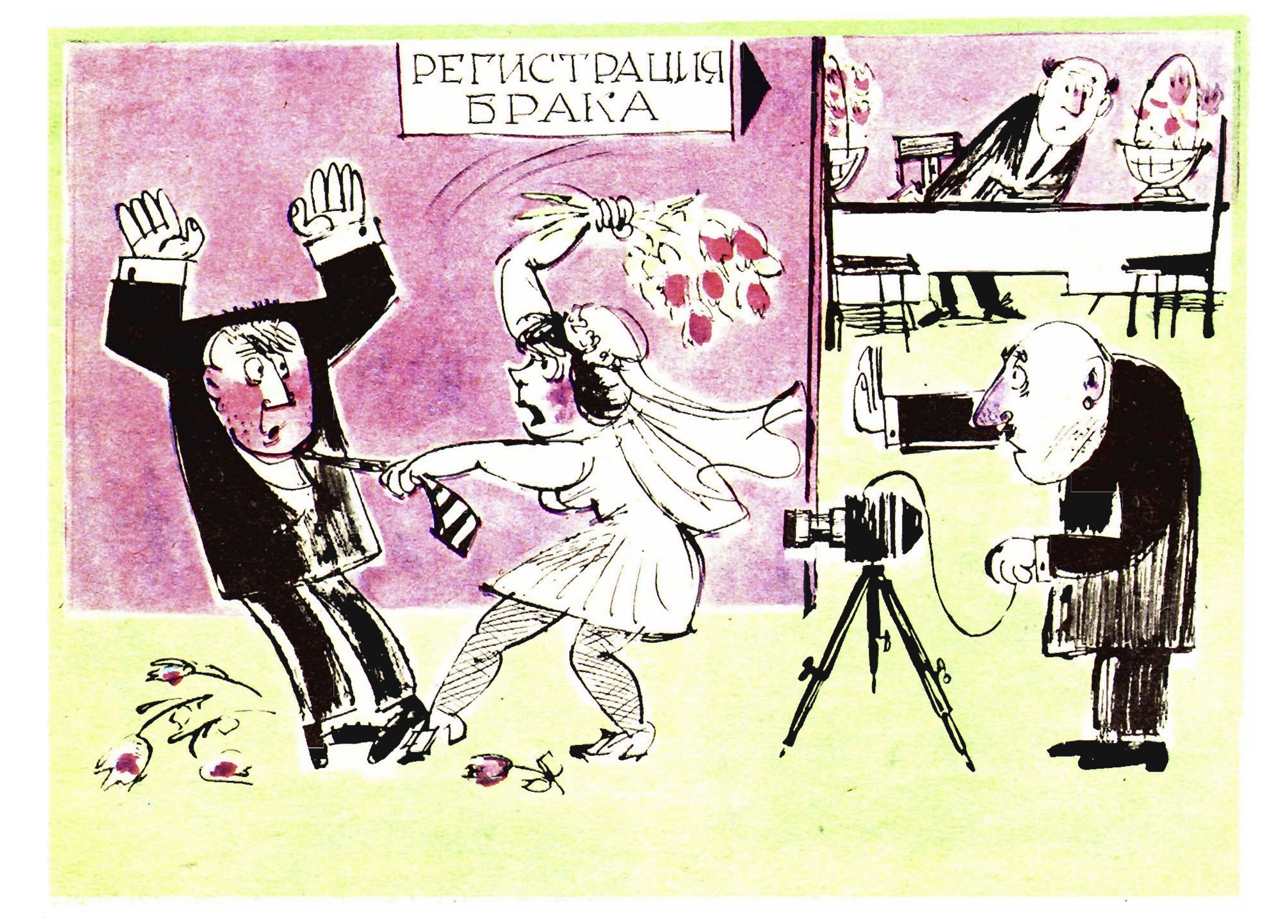
— А вот так: Степан Степаныч!

— Но...

— Никаких «но»! Это замечательный выход! Ведь никто не подумает, что ты решился в открытую писать про нашего Степан Степаныча. Без намеков, без всяких там басен, впрямую называя его полным именем. И всем будет ясно, что если бы ты имел в виду нашего Степана Степановича, то назвал бы его Семен Семенычем, Пантелеймоном Казимировичем или Аглаей Тихоновной. Это азбучная истина. Положись на меня.

Я положился, назвал героя Степаном Степановичем, и рассказ поместили в стенгазету. Степан Степанович не обиделся...

ОТ АВТОРА. Редактора нашей стенгазеты вправду зовут Виктором, а фамилия его и в самом деле Кузнецкий. Надеюсь, это служит достаточным доказательством того, что данный рассказ о редакторе Викторе Кузнецком к редактору нашей стенгазеты не имеет никакого отношения.

— Вы не могли бы минуточку не ругаться?
Ведь впереди у вас целая жизнь!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

ПОДАРОК

Явился трезвым он домой —
Супруга в изумленьи...
— Считай — подарок это мой
Тебе ко дню рожденья!

УЗКОЕ МЕСТО

Дым не идет в трубу никак,
Глаза и горло ест:
Ведь дымоход
для печника —
Одно из узких мест.

г. Рига.

Н. ФЕДЮРКО

СВОИМИ СЛОВАМИ

Ругала лектора жена
(У жен такие есть
замашки),
И речь свою вела она
Легко и просто.
Без бумажки.

г. Ленинград.

Е. ГОРЕЛКИН

КАЖДОМУ СВОЕ

— Где пропадал вчера! —
спросил меня сосед.
— В театре был, смотрел
балет «Спартак».
— И как!
— Меня потряс
финальный бой.
Какой разгром!..
— А счет какой!

Мих. ДВИНСКИЙ

ПЛОДОТВОРНАЯ ИДЕЯ

Полезность этих книг
поймет любой ценитель:
в трилогии
«Козлы без молока»
сквозь тысячу страниц
проходит красной нитью
сказание
про белого бычка.

г. Вильнюс.

МИРМУХСИН

ДВА НЕДУГА

Когда, наперекор дождям
и вьюгам,
идет мой
от годов согбенный
друг,
нельзя смеяться
над его недугом.
Позорен ли
физический недуг!
Над тем,
кто пред другим
сгибает спину,
угодничает
на виду у всех,
и сам я посмеяться
не премину!
Недуг моральный
вызывает смех.

Перевел с узбекского А. НИКОЛАЕВ.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Ты слышала, появились бесшумные детские коляски?
— О господи! Если бы еще начали выпускать бесшумных детей!..

●

Подсудимый:
— Ваша честь, мне не отсидеть тридцати лет: ведь мне сейчас уже пятьдесят пять!
Судья:
— Ничего, ничего, сделаете, что сможете.

●

— А кому предназначены эти деньги? — поинтересовался пожилой синьор, когда к нему подошла молодая монахиня с кружкой для сбора пожертвований.
— Господу-богу, синьор.
— В таком случае я передам их ему сам,— ответил синьор.— Я, наверное, увижу его раньше вас.

●

— Примите меня в хор, мама уверяет, что я очень хорошо пою.
— Этого мало,— сказал хормейстер,— принеси рекомендации от соседей.

●

— Прачечная! Почему вы прислали мне рубашки, к которым пришиты чужие пуговицы?
— Это совсем не так плохо! Многие жалуются, что к их пуговицам пришиты чужие рубашки!

●

— Ты знаешь, Мартинес перед смертью завещал все свое состояние детскому приюту.
— Какое бескорыстие! И что же он им оставил?
— Пятерых детей!

●

В магазине.
— На эту купюру, мадам, вы ничего купить не сможете, она ведь фальшивая.
— А я и не хотела ничего на нее покупать, мне нужно лишь ее разменять.

●

В адвокатскую контору «Крунель, Крунель, Крунель и Крунель» звонит клиент:
— Это контора «Крунель, Крунель, Крунель и Крунель»?
— Совершенно верно, сэр.
— Будьте любезны позвать мистера Крунеля.
— Он еще не пришел.
— Тогда, пожалуйста, мистера Крунеля.
— К сожалению, его тоже нет, сэр.
— А Крунель?
— Он в отпуске.
— Тогда мистера Крунеля, пожалуйста.
— Я у телефона.

●

Салам КАДЫРЗАДЕ

Опасное родство

Кто в нашей деревне не знает бездельника Наги? С утра до вечера сидит он в чайхане или играет в нарды, а то со своими дружками, такими же лодырями, стоит у сельпо и переливает из пустого в порожнее.

В то утро Наги, только его жена ушла в поле, как обычно, вышел из дому. Постоял немного у калитки, не зная, куда себя девать, потом неторопливо вынул из кармана коробку «Казбека», закурил и вдруг оживился: в дальнем конце улицы старый Бахшали вел на веревке рыжего теленка. Наги поспешил ему навстречу.

— Доброе утро, бог в помощь! Куда это ты в такую рань?

Бахшали остановился.

— Да вот веду теленка на лужайку, пусть попасется.

Наги внимательно оглядел теленка и, понизив голос, с таинственным видом спросил:

— Послушай, Бахшали, если мне не изменяет память, этот теленок похож на теленка нашего бывшего председателя исполкома, не так ли?

— Ты прав. И мой и председателев — оба от рыжей Сарыгыз, коровы рябого Амирджана. Когда Сарыгыз отелилась, хозяин подарил одного теленка сыну председателя исполкома, а второго продал мне. Конечно, теленок не бог весть какой, но, как подумаю, что одно дитя Сарыгыз живет у меня в доме, а другое у нашего исполкома, тепло становится на сердце. Будто ближе я ему стал, вроде родственника, что ли.

Наги спросил еще более таинственно:

— Извини, конечно, Бахшали, но я не понимаю, о каком исполкоме ты говоришь.

Старик растерянно заморгал:

— Как это о каком?... О нашем... Если говорить по-старому, о нашем старосте товарище Мамедове. Неужто не знаешь такого большого человека?

Наги отступил на шаг и укоризненно покачал головой.

— Э-эх, Бахшали, Бахшали, как же ты отстал!.. Уж неделя прошла, как Мамедова сняли! Неужели ничего не слыхал?

— Где же мне было слыхать? Я в район ездил, вернулся только вчера ночью.

— Угу... Ну что ж, пожалуй, это даже к лучшему, что тебя здесь не было.

— Почему?

— Сам подумай...

И, не сказав больше ни слова, Наги зашагал прочь.

А старый Бахшали, сгорбившись больше обычного, поплелся со своим теленком дальше.

В полдень, только старик переступил порог чайханы, как Наги очутился возле него. Подсев к столику старика, он зашептал:

— Послушай, ты давеча, кажется, так ничего и не понял?

— Понял, Наги, как не понять. Ты сказал, что сменили председателя исполкома.

— Правильно. А как ты к этому относишься?

— Как все в деревне, так и я.— Бахшали пододвинул к себе стакан чаю.— Что же мне теперь — плакать или траур носить по этому Мамедову? Можно подумать, что мне от него много пользы было!

— Пользы тебе от него не было, это верно, а вот вреда теперь не оберешься. Новый человек, которого поставили на место Мамедова, вчера уже уволил двух его родственников. Те даже пикнуть не посмели.

Бахшали обмакнул в чай кусочек сахара и пробормотал:

— Слава аллаху, у меня с Мамедовым ничего общего не было. И не родственник он мне, даже не дальний.

Наги подался вперед.

— Не торопись, Бахшали. Если хорошенько подумать, то ты с Мамедовым в прямом родстве. Что притворяешься, будто ничего не понимаешь? Ты бы лучше не терял времени даром, а пораскинул мом, чтобы потом не жалеть. Чужому я может, и не стал бы все это говорить, но мы же соседи...

Бахшали замер со стаканом в руке.

— Ты что, из ума выжил? С каких это пор я стал родственником Мамедова?

Наги пододвинул стул поближе к Бахшали, огляделся по сторонам и продолжал доверительным шепотом:

— Бахшали, не будь мальчишкой. Подумай и поймешь, на что я намекаю. Что, если завтра ты останешься без работы? Что тогда будешь делать? Ведь у тебя нет такой жены, как у меня, чтобы она работала, а ты жил, как у аллаха за пазухой. В наше время человек должен крепко держаться за то, что его кормит.

— Клянусь твоей головой, Наги, не могу понять, о чем ты говоришь. Говори яснее, сынок!

Наги сердито отодвинул стакан с остывшим чаем.

— Какой же ты бестолковый! Я тебя спрашиваю: ты кто? Я хочу сказать: ты чей подчиненный? Исполкома?

— Да.

— Там теперь Мамедова нет?

— Нет...

— На его место назначили другого?

— Да, но...

— Чем ждать к вечеру неизвестно какого добра, лучше днем наткнуться на беду. Сделай, как учит эта мудрая пословица, иди домой и сейчас же зарежь рыжего теленка.

— Зарезать теленка? Почему?

— Эх...— Наги укоризненно покачал головой.— Можно подумать, что умнее тебя никого на свете нет. Бахшали, скажи честно, разве твой теленок не приплод Сарыгыз, коровы рябого Амирджана? Не ты ли сам говорил мне это сегодня?

— Да, говорил.

— А теленок прежнего председателя исполкома Мамедова — тоже приплод Сарыгыз, не так ли?

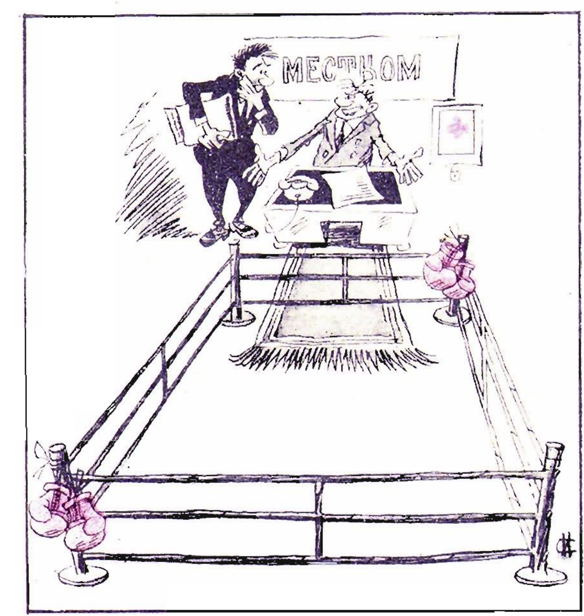
Бахшали хотел что-то возразить, но промолчал.

— Вот так, царство небесное твоему отцу! Один теленок у тебя, другой — у него. Значит, вы с этим Мамедовым свояки! Вот и все. Новому исполкому этого и довольно. Одиндва человека скажут ему об этом — и делу конец! Теперь тебе понятно?

Стены могли бы сказать больше, чем старик Бахшали: у него от страха отнялся язык.

...На другой день Наги с двумя приятелями, такими же, как он, бездельниками, пожаловал к Бахшали на шашлык из телятины. Наги проиграл этот шашлык в нарды.

Перевел с азербайджанского Элькан ИБРАГИМОВ.

— А здесь мы распределяем путевки.

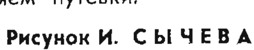
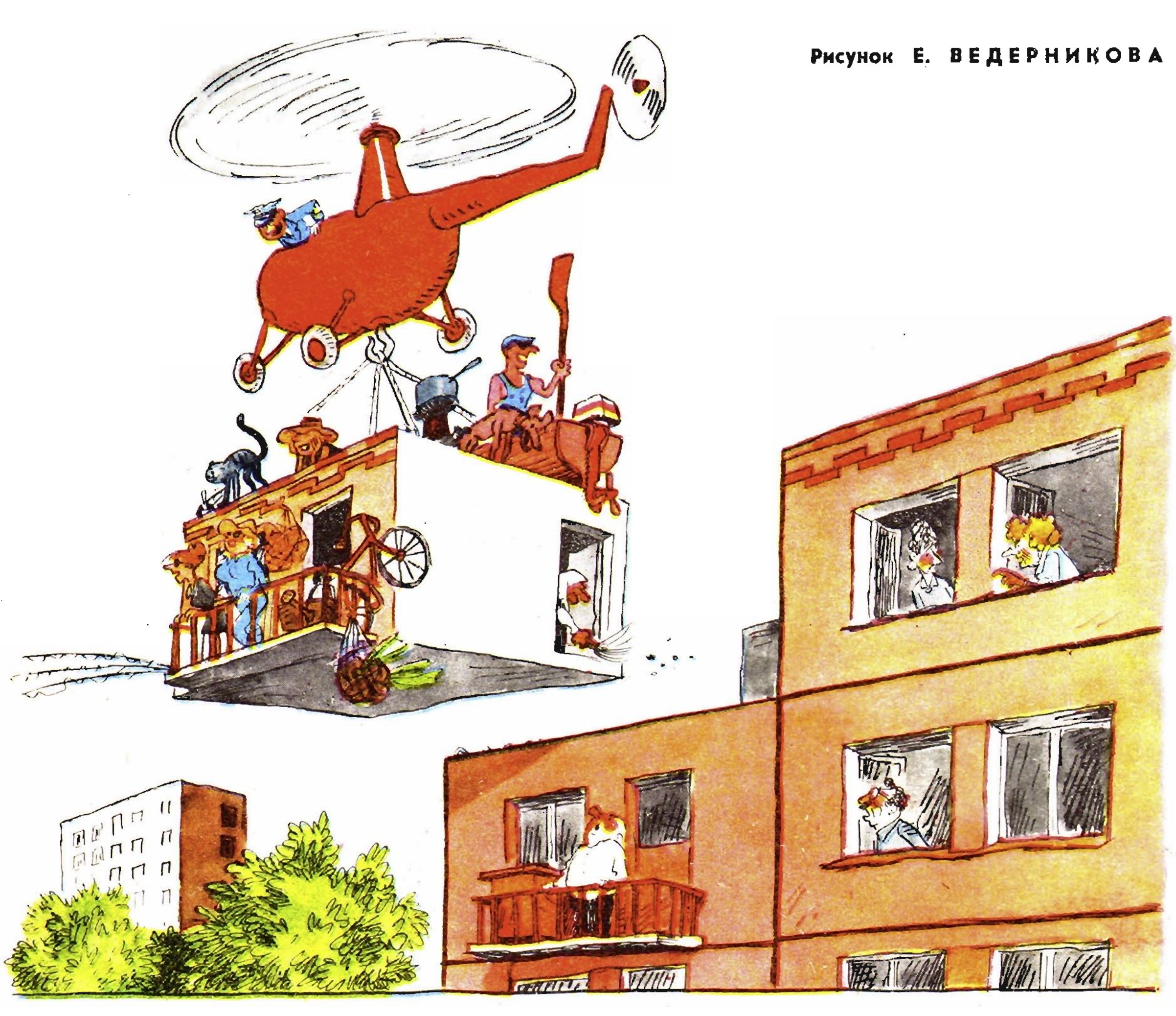

Рисунок И. СЫЧЕВА

Рисунок С. СПАССКОГО

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Хорошо выезжать за город, когда глава семьи — вертолетчик...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Всем работающим, достигшим двадцатилетнего возраста (девушкам), не состоящим в браке, представить заявление на мужа и паспорта в бухгалтерию».

(Объявление в управлении КИП нефтеперерабатывающего комбината)

Копию снял В. Минаков, г. Омск.

«Образова: — высшее, незаконное».

(Из личного листка по учету кадров).

Прислал З. Григорян, г. Ереван.

«КИНО

Кинотеатр «Октябрь»

2 апреля «Николай Сличенко».

Фильм рассказывает о сложной и ответственной деятельности советской дипломатии за рубежом нашей страны».

Газета «Красная звезда», Приозерский район, Ленинградской области.

«Заявление

Прошу мне дать очередной отпуск с 20 апреля 1970 г. и шесть дней за вредность ввиду свадьбы».

Прислал Ю. Анкудинов, г. Новосибирск.

«С января этого года я хожу в Вашу поликлинику лечить зубы. И всегда к одному и тому же врачу. Вот уже 9 зубов удалила мне врач, но ни боли, ни ощущения отсутствия зубов я не чувствую».

(Из отзыва).

Прислал Н. Дайчман, г. Москва.

«ПРИКАЗ

По Государственному Союзному институту по проектированию металлургических заводов «Гипромез»

№ 101 «1» апреля 1970 г.

г. Москва

Выполнение работы — технико-экономическое обоснование строительства трубного завода в центре было сорвано в установленные сроки...

Директор института

С. Губерт».

Прислал И. Грешев, г. Москва.

Фото Т. Александровой, г. Уфа.

Фото А. Вагина, г. Кемерово.

КРОКОДИЛ

№ 16 (1954)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, В. Каневский, Г. и В. Караваевы, Л. Немировский, Н. Станиловский, Ю. Степанов, М. Ушац.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 21/V 1970 г. А 00085. Подписано к печати 29/V 1970 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 750 000 экз (1 завод: 1— 4 185 700) Изд. № 702. Заказ № 1554

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47 ул. «Правды», 24

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

Бор. ЕФИМОВ

ЭКСПО-70

Хотя программой поездки по Японии дождливая погода не была специально предусмотрена, обильные осадки сопровождали нас по всему маршруту, начиная с Токио.

В Осаке нас встретил уже привычный бодрый дождик, который и сопровождал нас до самой выставочной территории.

Не без растерянности оглядываюсь я вокруг: на что раньше смотреть? Да тут надо иметь не два, а двадцать два глаза! И прежде всего захватывает красочное, калейдоскопически меняющееся и беспрерывное движение толпы посетителей, пестрым потоком переливающееся по территории выставки. Живописность публики усиливается множеством туристских групп из провинциальных японских городов. От пятилетних бутузов до сморщенных стариков туристы каждой группы, чтобы не потерять друг друга, снабжены одинаковыми по цвету и форме шапочками, картузиками, маскарадными колпачками, соломенными «тирольками», широкополыми ковбойскими шляпами, узорчатыми сомбреро, орденскими лентами через плечо и тому подобными «опознавательными знаками».

Павильоны «ЭКСПО»... Состязаясь в фантасмагорической причудливости архитектурных решений, в неповторимой оригинальности оформления, расцветки и структуры, в своеобразии строительного материала, они громоздятся вокруг, наступая друг на друга и как бы отпихивая локтями соседей.

Здесь нашло свое воплощение решительно все, что только могла придумать изощренная фантазия десятков конструкторов, художников и строителей, оснащенных самыми последними достижениями техники, электроники и кибернетики и руководимых тремя «главными режиссерами» «ЭКСПО-70»: коммерцией, рекламой и бизнесом.

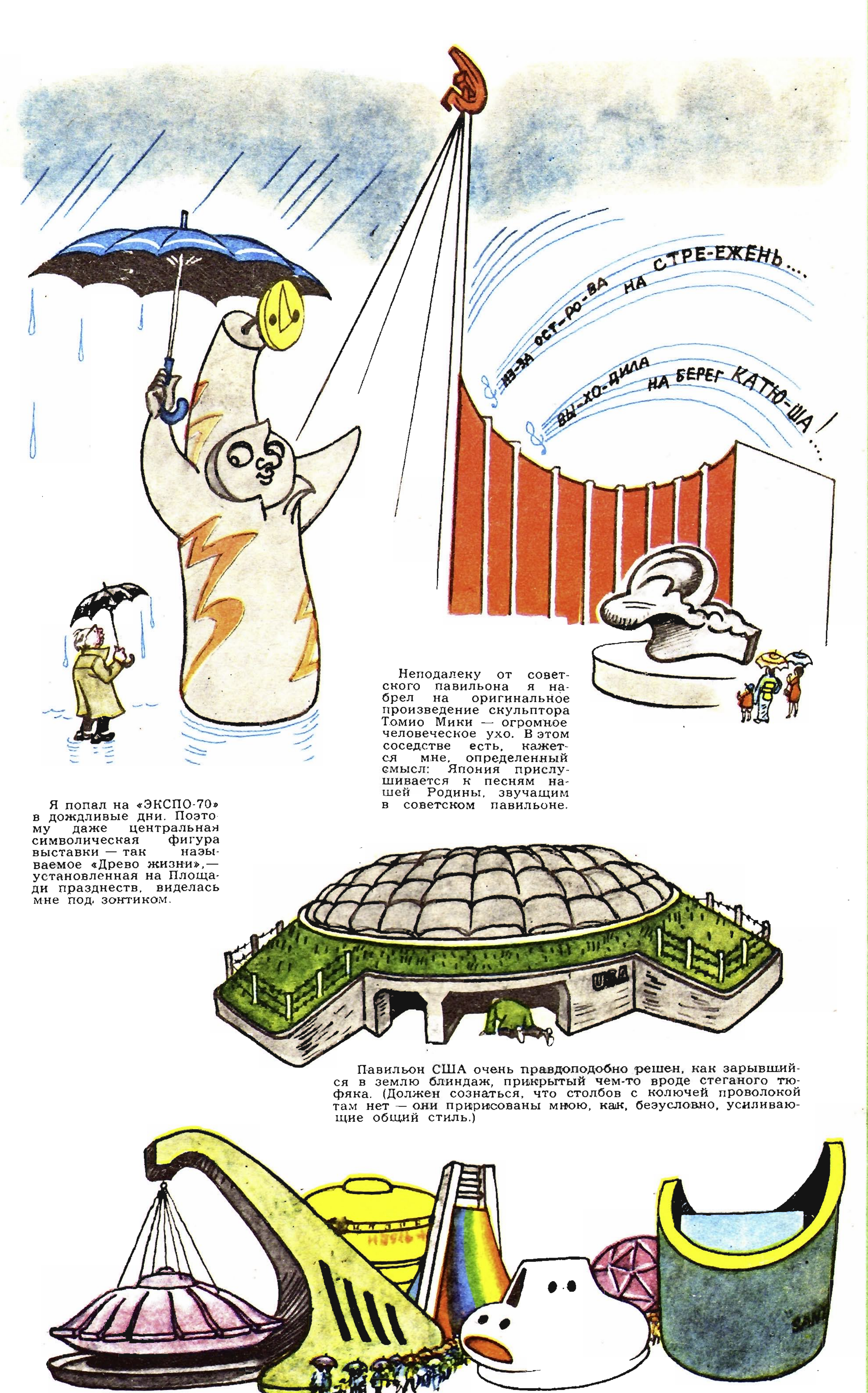
Исчерпав почти все мыслимые геометрические формы — шары, кубы, пирамиды, конусы, октаэдры и додекаэдры,— архитекторы взялись за образцы из растительного и животного мира. Возникли павильоны, похожие на морские раковины, на кристаллы, на цветы, на медуз, на черепах — словом, на что угодно и даже вовсе ни на что не похожие...

Каким-то неправдоподобным марсианским городом смотрятся все эти вертикальные и наклонные, спиральные и винтообразные конструкции, сверкающие, вертящиеся, подмигивающие и беснующиеся в неукротимом стремлении ошеломить зрителя и утереть нос конкурентам. И, к сожалению, в этой погоне за внешним эффектом и броской рекламой подчас забывается сама сущность и благородный смысл лозунга «За прогресс и гармонию человечества», который провозглашен девизом выставки в Осаке. Подчас вы очень мало узнаёте о подлинной народной жизни той или иной страны, а больше запоминаете какие-нибудь экстравагантные оформительские трюки ее национального павильона.

Совсем другой характер носят павильоны социалистических стран, где проявлена серьезная забота не только о форме, но и о содержании. А из развернутого стометровым белоснежно-алым знаменем величественного советского павильона выходишь с чувством искренней благодарности к его строителям и художникам, которые смогли создать интереснейшую, насыщенную и выразительную экспозицию, подлинную симфонию духовных и культурных богатств нашей Родины.

...Дождик над выставкой прекратился. Выглянуло солнышко. Я услышал какой-то своеобразный шелковисто-шелестящий шум — это сотни японских зрителей, чинно стоявших в очереди у входа в павильон СССР, складывали свои зонтики.

г. Осака.

Я попал на «ЭКСПО-70» в дождливые дни. Поэтому даже центральная символическая фигура выставки — так называемое «Древо жизни»,— установленная на Площади празднеств, виделась мне под зонтиком.

Неподалеку от советского павильона я набрел на оригинальное произведение скульптора Томио Мики — огромное человеческое ухо. В этом соседстве есть, кажется мне, определенный смысл: Япония прислушивается к песням нашей Родины, звучащим в советском павильоне.

Павильон США очень правдоподобно решен, как зарывшийся в землю блиндаж, прикрытый чем-то вроде стеганого тюфяка. (Должен сознаться, что столбов с колючей проволокой там нет — они пририсованы мною, как, безусловно, усиливающие общий стиль.)

Павильон Австралии находится почему-то «в подвешенном состоянии». Не менее причудливы и другие сооружения «ЭКСПО». Показать их все, увы, невозможно. Пришлось ограничиться некоторыми.